

БЕЛИНСКИЙ И СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТОР Я.-П. ИОРДАН

К ВОПРОСУ ОБ ИЗВЕСТНОСТИ БЕЛИНСКОГО НА ЗАПАДЕ
И У СЛАВЯН В 40-е ГОДЫ XIX в.

Статья М. Алексеева

1

В 1843 г., в двух выпусках славянского журнала на немецком языке «Летописи славянской литературы, искусства и науки» (*Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft*), незадолго перед тем основанного в Лейпциге, был помещен анонимный «Краткий очерк истории русской литературы»; в подзаголовке его было указано, что он составлен по русскому журналу «Отечественные записки» за тот же 1843 г.; так как статья не имела окончания, то было обещано и ее продолжение¹. Оно появилось через год, с той же ссылкой на «Отечественные записки» и вновь с пометой, что публикация этой статьи будет продолжаться и далее²; однако намерение редакции на этот раз почему-то не осуществилось: изложение «Краткого очерка» оказалось прерванным на характеристике Батюшкова и Жуковского; продолжение не появилось ни в этот, ни в последующие годы издания «Летописей».

Источник «Краткого очерка» раскрывается без труда: это — первая и вторая статьи Белинского о Пушкине, помещенные в шестом и девятом номерах «Отечественных записок» за 1843 г.³ «Краткий очерк» представляет собой не что иное, как сокращенный немецкий перевод (местами пересказ) этих статей Белинского, сделанный вскоре после появления их в печати. Именно потому, что указанные две статьи Белинского появились в «Отечественных записках» с промежутком в несколько месяцев (июнь — сентябрь), задержалась публикация их перевода и в «Летописях славянской литературы, науки и искусства»; статья переводилась по тексту «Отечественных записок» после получения книжек этого журнала в Лейпциге: первая статья напечатана в четвертом и пятом выпусках «Летописей» за 1843 г., вторая — в третьем и четвертом выпусках за 1844 г. Нас не должно удивлять то обстоятельство, что имя Белинского как действительного автора «Краткого очерка» в «Летописях» не названо. Как известно, статьи и рецензии Белинского (в том числе и интересующая нас, впоследствии столь знаменитая серия его статей о Пушкине) печатались без его подписи, и даже не все русские читатели, а только более осведомленные в литературной жизни, знали, кому принадлежат эти статьи. Переводчик из «Летописей» мог заинтересоваться статьей историко-литературного содержания, встретившейся ему в русском журнале, не зная ее автора. Но и в том случае, если даже имя Белинского было ему известно, он не вправе был раскрыть его своим читателям — этому препятствовала элементарная журнальная этика. Тем не менее факт появления в иностранном журнале начала 40-х гг. статей Белинского — факт, насколько мы знаем, еще не отмечавшийся в литературе — несомненно.

заслуживает внимания: он свидетельствует о том, что статьи Белинского вызывали интерес тотчас же по появлении не только у русских, но и у зарубежных читателей. Следует также отметить, что указанный «Краткий очерк истории русской литературы» является, вероятно, первым переводом статей Белинского на иностранные языки: более ранние переводы его статей нам неизвестны.

Внимательное изучение истории этого перевода позволяет сделать весьма интересные выводы. Оказывается, что перевод не остался в первичной публикации «Летописей»: через несколько лет, в 1846 г., в более полном виде, с прибавлением двух последующих статей Белинского о Пушкине (третьей и четвертой), в дословном и точном переводе и даже с сохранением большинства русских стихотворных цитат тот же «Краткий очерк под измененным заглавием «История русской литературы» был издан в Лейпциге отдельной книгой с именем переводчика. В форме книги он привлек к себе еще большее внимание: книга читалась и продолжала оказывать влияние еще много десятилетий после своего появления; так, например, она вызвала ряд реплик в литературах славянских стран, а также в Германии и Швеции. Таким образом, этот перевод представляет немалый интерес для изучения истории распространения идей Белинского за рубежом, для изучения самых истоков этого распространения. Следовательно, разыскания о том, как этот перевод возник, кто был переводчиком, почему перевод был выпущен отдельным изданием, кто были его читатели, не являются излишними. При этом следует сразу же указать на одно существенное обстоятельство. У нас есть все основания предполагать, что имя Белинского, в конце концов, стало известно переводчику. Перевод двух статей Белинского в «Летописях» за 1843—1844 гг. был напечатан без имени автора, а в «Летописях» за 1846 г. появилась большая и очень содержательная характеристика Белинского с его полным именем, пытавшаяся указать на место критика в мировой литературе. Мы придаем этому особое значение потому, что переводчик статей Белинского и редактор «Летописей» был одним и тем же лицом. Это был Ян-Петр Иордан, славянский литератор и лектор славянских языков и литератур в Лейпцигском университете. Необходимо познакомиться с его биографией, чтобы правильно оценить его роль в популяризации русской литературы вообще и Белинского в частности.

2

Ян-Петр Иордан (Jordan, 1818—1891), сербо-лужицанин по национальности, был видным деятелем возрождения этого славянского народа, жившего в пределах тогдашних Пруссии и Саксонии. Уже в первой четверти XIX в., особенно после наполеоновских войн, положение «лужицких сербов» было крайне тяжелым: небольшие островки славянского мира тонули в волнах германизма, и напор этих волн становился все более сильным. По словам современников, этот маленький народ, «окруженный, проникнутый иноплеменниками» насильственными мерами был принужден «отказаться от своей народности, от своего обычая и языка»⁴. «Старые славянские обычаи предавались забвению, народные костюмы заменялись немецкими <...> Сербские славянские имена и фамилии немилосердно коверкались на немецкий лад,— все признаки славянского происхождения стирались с удивительным рвением»⁵. В результате, как свидетельствует А. Гильфердинг, «при каждой народной переписи число людей, объявлявших себя „вендами“ <название славян у германских народов>, уменьшалось...»⁶. Основную массу сербо-лужичан составляло сельское население, и в этом заключается главная причина того, что народ не был германизирован окончательно: лишь здесь сохранились еще древняя славян-

ская речь, старые обычаи, предания и песни. Интеллигенция была мало-численна, воспитывалась в немецких учебных заведениях и германизировалась быстрее. Однако в 1830—1840-е годы у сербо-лужичан, преимущественно в кружках молодежи, возникло довольно сильное национально-освободительное движение демократического характера. В различных немецких университетских центрах, где немногие лужичане получали образование, одно за другим возникали гимназические и студенческие общества типа «землячеств», ставившие своей задачей «взаимною помощью улучшать в каждом из членов охоту и умение писать по-лужицки, изучать другие славянские языки», ближе знакомиться с родным народом, вдумываться в его прошлое, собирать его песни, сказки, предания. Такие общества и кружки, в разное время существовавшие в Лейпциге и Бреславле, Праге и Будишине, в 1830—1840-е годы укрепились, искали объединения друг с другом, расширяли и усиливали свою деятельность.

Ян-Петр Иордан был в числе молодых лужичан, всецело захваченных этим движением. Родом из Верхних Лужиц, он получил образование в Пражской семинарии — старом культурно-просветительном центре лужичан⁷. Чешский язык преподавал здесь В. Ганка, имевший на Иордана большое и продолжительное влияние.

Во второй половине 1830-х годов мы застаем Иордана в Праге, страстно мечтающим о деятельности на пользу своего родного края. Подобно многим другим юношам своего поколения, он был в те годы прежде всего пламенным трибуном своего народа и страстным ревнителем родного языка. Сначала его увлекали преимущественно языковедческие занятия: он упорно работал над составлением словаря верхнелужицкого наречия, писал его грамматику, обдумывал его орфографическую реформу. Но круг его интересов быстро расширялся: он мечтал об издании сербо-лужицкой «книги для чтения», в которой были бы собраны наилучшие образцы лужицкой письменности и фольклора и которая могла бы быть интересной не только для его соотечественников, но и для других славян. Публикуя проспект этого издания, Иордан обращался к своим землякам с призывом присылать ему лужицкие песни, легенды и сказки, пословицы и поговорки и заканчивал свое обращение характерными для его патриотического настроения в 1830—1840-х годах словами: «Лишь если мы <сербо-лужичане> будем стоять друг за друга, при наших слабых силах может быть совершенно нечто хорошее. Я думаю, что настало время, когда также и серб * должен проснуться от тысячелетней дремоты, в которую повергло его иноземное влияние и собственная вина,—проснуться к ощущению и сознанию своей национальной силы, потому что в противном случае рука судьбы рано или поздно вычеркнет его из рядов народов и истребит его имя в книге жизни». Характерно, однако, что Иордан вынужден был писать эти слова национально-патриотического призыва по-немецки и публиковать их на обложке изданной им в 1841 г. в Праге на немецком же языке «Грамматики верхнелужицкого наречия»⁸. Ввиду ряда известных исторических условий — насильственного внедрения немецкого языка, малой распространенности их родного наречия и т. д. — немецкий язык не так-то легко было устранить из обихода. Вот почему, разворачивая свою литературно-научную деятельность, направленную к утверждению собственной национальности, к разработке языка и литературы своего народа и к укреплению международных славянских связей, Иордан основной печатной трибуной для этой

* Лужичане называли себя иногда сербами, или сорбами. Во избежание недоразумения укажем, что с е р б о - л у ж и ч а н е — народ западнославянской ветви и что их нельзя смешивать с с е р б а м и — народом южнославянской ветви. Ближайшие родичи сербо-лужичан — поляки и чехи; в языке лужичан удерживаются, однако, архаические черты, имеющие параллели и в восточноевропейских языках. — М. А.

деятельности избирал издания на немецком языке. В эти годы он сотрудничал в пражском немецком журнале Рудольфа Глазера «Ost und West», специально посвященном вопросам славянской литературы и науки⁹, затем в «Blätter für literarische Unterhaltung»¹⁰ и в других периодических изданиях на немецком языке.

Этот конфликт между своими яркими славянскими симпатиями и школьной немецкой выучкой, в который Иордан вступил в самом начале своей литературной деятельности, ему так и не удалось разрешить до конца его долгой жизни. В письме к В. Ганке от 6 июня 1846 г. Иордан восклицал: «Только одно не будет возможно — меня онемечить»¹¹, но продолжал писать преимущественно по-немецки. В этом была его трагедия, и в этом мы усматриваем основную причину конечного краха его кипучей деятельности, начавшейся, казалось, при самых благоприятных обстоятельствах. Иордан не стал, в конце концов, ни таким просветителем своего народа, каким был его сверстник и друг Ян Смоляр, ни ученым-славистом. Для немцев 1840-х годов он был типичным славянином, к тому же опасным по своим политическим симпатиям; его разноплеменным славянским друзьям претили его многочисленные немецкие работы, книги и журналы; в ученых кругах его считали журналистом по преимуществу, в литературных — человеком, слишком приверженным к учено-академической деятельности... Впрочем, все эти противоречия обнаруживались постепенно; в середине 1840-х годов он был еще в расцвете сил и своего влияния на соотечественников и современников.

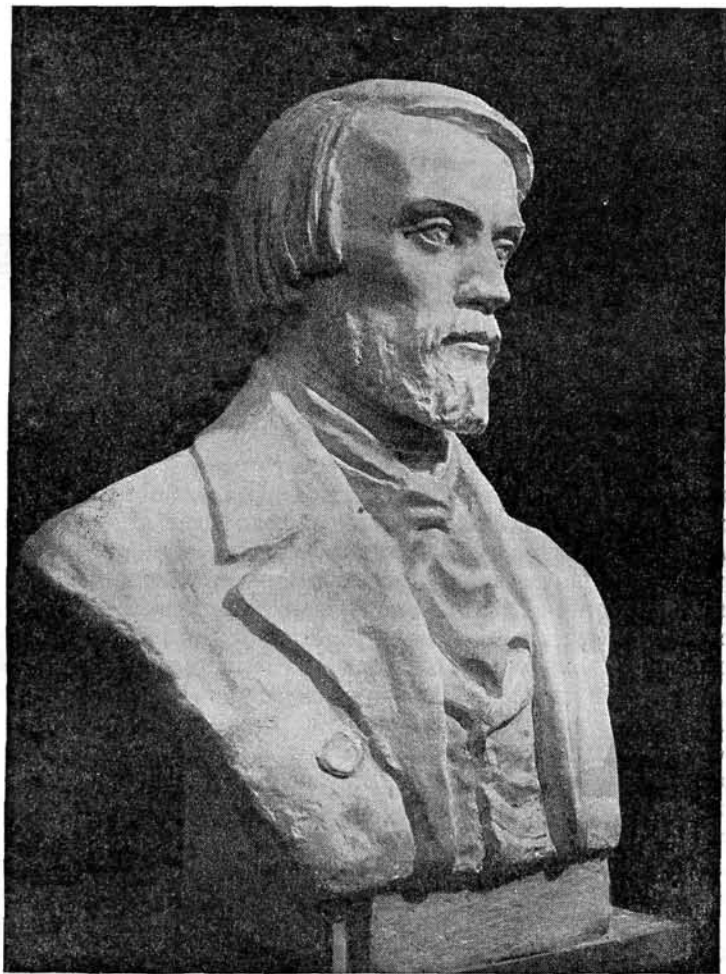
3

Во второй половине 1830-х годов Прага была одним из тех старых славянских городов, где всего чаще слышалась разноплеменная славянская речь. Сам Иордан отмечал, что годы учения в Праге позволили ему овладеть многими славянскими языками: это оказалось не слишком трудным делом на родной языковой сербо-лужицкой основе. Он прежде всего хорошо овладел чешским языком, на котором бегло говорил и писал, а также польским и, наконец, русским. В занятиях русским языком едва ли не решающую помощь оказал ему его учитель — Ганка, который, по свидетельству И. И. Срезневского, «особенно любил нас, русских, любил русский язык, считая его особенно важным, срединным, живительным для всех славян, и всячески старался приохотить к нему не только чехов, но и других славян»¹².

Русский язык Иордан изучил еще до окончания семинарии (т. е. до 1838 г.), а в ближайшие за этим годы он выступил уже и как переводчик с русского. Так, в упомянутом пражском журнале «Ost und West» он помещал свои заметки и рецензии в разделе «Новейшая русская литература» («Neueste russische Literatur»). В 1841 г. в том же журнале напечатал свой перевод повести Гоголя «Майская ночь» и нескольких русских этнографических статей¹³. Интересу Иордана к русскому языку и литературе немало способствовали его многочисленные знакомства с русскими, которых он встречал и в Праге, и у себя на родине, и, наконец, в Лейпциге, куда он переехал в 1843 г.

В начале 1840-х годов Иордан особенно близко сошелся с двумя русскими путешественниками, имевшими на него значительное влияние. Это были И. И. Срезневский и П. И. Прейс — будущие знаменитые русские слависты, посланные на несколько лет в славянские земли и затем занявшие первые кафедры славяноведения в Харьковском и Петербургском университетах. Со Срезневским Иордан познакомился у себя на родине, в сентябре 1840 г., в г. Сгорельце (по-немецки Гёрлиц), откуда Срезневский начинал свое пешеходное странствование по Лужицкому краю в сообществе со Смоляром¹⁴. Их общение вскоре возобновилось

в Праге, в которой они прожили несколько месяцев (с конца ноября 1840 г. по первую половину января 1841 г.). Здесь к ним вскоре присоединился и П. И. Прейс. По свидетельству самого Срезневского, он в эту пору ежедневно занимался с Иорданом лужицким языком (письмо из Праги от 28 ноября 1840 г.), а Иордан, в свою очередь, пользовался словарными и фольклорными материалами, собранными Срезневским в Лужицах. «Лужичанин

БЕЛИНСКИЙ

Бюст работы Л. Д. Бутович (гипс), 1948 г.

Дом-музей Белинского, г. Белинский

Иордан, составляющий лужицкий словарь, приходит ко мне списывать из моего словаря слова», — хвастался Срезневский матери в письме из Праги от 15 декабря 1840 г.¹⁵ Через месяц Срезневский уехал в Вену: «Ганка, Прейс и Иордан... провожали меня, как родные», — писал он матери (Вена, 23 января 1841 г.)¹⁶. Характерным свидетельством установившейся между ними дружеской близости может служить тот факт, что Иордан хотел примкнуть к Срезневскому и Прейсу в их дальнейших путешествиях по славянскому югу¹⁷. Но замыслы Иордана не осуществились, скорее всего, из-за денежных затруднений, как ни заманчива была

для него мысль повидать южные славянские края — Черную гору, Адриатический берег... Вскоре Иордан возвращается к себе на родину, имея намерение организовать там издание газеты на лужицком языке.

Для дальнейшей творческой деятельности Иордана его знакомство и дружеские связи с двумя русскими славистами имели большое значение. Любопытно, что в двух своих русских приятелях Иордан нашел весьма не похожих друг на друга людей, которые могли быть источником весьма несходных идейных воздействий. Всех троих объединял общий интерес к разноплеменному славянству, к проблемам славянского возрождения, культурного и политического, но решали они эти проблемы каждый по-своему. Отношение к славянству И. И. Срезневского в эти годы было сугубо-романтическим; его увлекали не только перспективы научного изучения славянской старины, которое «должно было дать известные выводы относительно истории, языка, литературы» славянских племен в различные моменты их истории; его интерес к этому предмету был «так сказать, поэтический, — мечты о прошлых временах, следы которых оставались на земле, теперь уже чужой»; ему было свойственно «немного сентиментальное увлечение патриархальной простотой народного быта, который под политической властью чужого племени хранил язык и предания предков, сочувствие к скромной деятельности патриотов, которые не разрывали связи с народом, заботились о его просвещении, восхищались тою же старой поэзией народной песни и обычая...»¹⁸ П. В. Анненков, встретившийся со Срезневым в Вене в начале 1841 г. (т. е. в то самое время, когда будущий знаменитый славист только что расстался с Иорданом и обдумывал дальнейшее с ним путешествие), писал о нем: «человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания и большую часть пешком, по деревням и проселочным дорогам <...> Он решительно убежден, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и с восторгом показывал нам карты, говоря, каким образом соотчичи наши разлились от Померании до Венеции»¹⁹.

П. И. Прейс был человек совсем другого склада, трезвее и суше, склонный к методическим занятиям и упорному критическому анализу, органически не способный ни к преувеличениям, ни к поэтическим фантазиям. Он не разделял славянофильских иллюзий и, по возвращении из славянских стран, став профессором Петербургского университета, занял враждебную позицию по отношению к «московской школе», М. П. Погодину и «Москвитянину». Его переписка с М. С. Куторгой и воспоминания о нем В. С. Порошина — ближайшего друга Прейса по Петербургскому университету — рисуют его как человека весьма прогрессивных взглядов²⁰.

Приглядываясь к обоим своим русским друзьям, Иордан имел возможность воочию наблюдать двух представителей русской науки, имевших также непосредственное отношение и к русской литературе и журналистике, и по ним угадывать и настроения русского общества и различные идейные течения, в нем господствовавшие. То, что Иордан знал о России и русских писателях от учителя своего Ганки, он имел возможность теперь существенно дополнить из устных рассказов Срезневского и Прейса. Шла ли у них речь о русской литературе? В этом не может быть никакого сомнения. Беседы их о славянстве и его будущем неизбежно должны были затрагивать широкий круг всевозможных вопросов, связанных с Россией и русской культурой. К результатам общения со Срезневым (уехавшим в путешествие в качестве профессора Харьковского университета и еще полным украинских впечатлений) следует отнести и возникновение интереса Иордана к Гоголю, и его замысел перевода на немецкий язык «Запорожской старины» самого Срезневского, впрочем, неосуществившийся, и вообще его интерес к Украине и украинскому художественному слову²¹.

Но и Срезневский, и Прейс должны были познакомить Иордана с Петербургом и с русским научным и литературным миром, в особенности потому, что как раз в начале 1841 г., когда Иордан решил серьезный вопрос о своей дальнейшей судьбе, у Ганки возникла мысль определить его для научной работы в Петербург, в проектировавшееся славянское отделение Российской Академии. Рекомендацию Иордана как возможного кандидата в сотрудники этого отделения от лужичан Ганка послал министру народного просвещения гр. С. С. Уварову и ряду других лиц вместе со многими экземплярами только что вышедшей в Праге «Грамматики верхне-лужицкого наречия» Иордана²². У Иордана были все основания самым серьезным образом интересоваться Россией, которая в недалеком будущем могла стать местом его постоянного жительства. Впрочем, рекомендации Ганки не имели успеха, как и его проект славянского отделения Российской Академии, не получивший осуществления.

В связи с указанными выше соображениями возникает вопрос, не знали ли Иордан уже в эти годы от Срезневского или Прейса о Белинском? Для такого предположения есть все основания. Срезневский был лично знаком с Белинским. Он встретился с ним незадолго до своего путешествия по славянским землям, в Петербурге, куда прискал по делам, связанным с этим путешествием. Но друг о друге они знали уже и раньше. Во второй половине 1830-х годов, в харьковский период своей жизни, Срезневский напечатал несколько повестей в «Московском наблюдателе». Одна из них была опубликована там в период редакторства Белинского. О других его повестях Белинский сочувственно отзывался в сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1839 г.: «Имя Срезневского известно, как имя примечательного литератора, обладающего большим талантом живого и увлекательного рассказа: вспомните его «Барабаша» в «Московском наблюдателе» за 1834 г. и «Палия» в том же журнале 1838 г. и отдельно изданную «Запорожскую старину...» (IV, 327)²³. Менее сочувственно отнесся Белинский к ученым сочинениям Срезневского в области политической экономики, дав в той же книжке «Отечественных записок» суровый отзыв о его «Опыте о предмете и элементах статистики и политической экономики сравнительно» (IV, 327—329).

Личное знакомство Срезневского с Белинским состоялось осенью 1839 г. на квартире А. А. Краевского. Об этом свидании есть несколько свидетельств — самого Белинского, П. В. Анненкова (со слов Белинского) и Н. А. Добролюбова (со слов Срезневского). В большом письме к В. П. Боткину (от 22 ноября 1839 г.), где описаны его петербургские встречи, Белинский отзываясь о Срезневском в подчеркнуто ироническом тоне и, передавая содержание своей с ним беседы, высмеивает его на все лады: «У Краевского я встретился с Срезневским — необычайно острый муж: очень хорошо рассуждает о Гоголе и Основьяненке, говорит, что что есть в одном, того недостает другому, что Гоголь берет форму, а Основьяненко изобретением...» и т. д. Белинский приводит далее и следующие слова, будто бы сказанные ему Срезневским: «„Признаюсь вам откровенно, когда другие восхищались вашими статьями, я говорил, что Белинский — ничего, но когда прочел вашу драму, то увидел, что нет — это огромный талант!“ Я его спросил, что выше — „Макбет“ или моя драма, — и он холодно ответил, что не понимает „Макбета“, т. е. что ничего не видит в нем хорошего. Вот этот понял меня — не то, что вы, дураки<...> Прощаясь, расцеловался со мною, и вообще он убежден, что мы поняли друг друга!» («Письма», II, 8). Именно об этой же встрече Срезневского с Белинским, которую следует отнести к концу октября 1839 г.²⁴, мы знаем также и из рассказа П. В. Анненкова, занесенного в его воспоминания со слов Белинского, хотя ни дата, ни место их свидания в этом рассказе не указаны²⁵.

«Комедия» Белинского (в его собственном рассказе — «драма», как она и названа в печатном тексте), которая вызвала похвалы Срезневского, — это «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь», напечатанная во второй части «Московского наблюдателя», 1839 г. Срезневский, несомненно, читал ее вскоре по выходе в свет этой книжки журнала. Сам Белинский весьма невысоко ставил свою пьесу, написанную им наспех по просьбе М. С. Щепкина. Поэтому-то он и придал в своей интерпретации восхищенному отзыву Срезневского намеренно карикатурный характер (сопоставление своей пьесы с «Макбетом») и «затем, — по свидетельству П. В. Анненкова, — уже никогда не мог вспомнить об этом отзыве без выражения безмерного удивления»²⁶. Но в высокой ее оценке Срезневским, во всяком случае, сквозила симпатия к ее автору; доброжелательное отношение к себе как к беллетристу он мог предполагать со стороны Белинского на основании приведенного выше отзыва последнего в сентябрьской книжке «Отечественных записок»; неудивительно, что они простились вполне дружески.

Существует, как упомянуто выше, еще рассказ Н. А. Добролюбова об этой же встрече, особенно интересный для нас потому, что он записан со слов самого Срезневского: Добролюбов был учеником Срезневского по Главному педагогическому институту и одно время был к нему очень близок.

В свой дневник Добролюбов записал под 7 января 1857 г.: «Припоминал он <Срезневский> также, что в конце 1839 г. Кр<аевский> говорил, что у него 39 тысяч асс. долгу на журнале и что вся его надежда на Белинского. Белинский приехал из Москвы и явился к Кр<аевскому> при Срезневском. Краевский побежал к нему навстречу с восклицанием: „наконец-то, спаситель!“ и при нем опять повторял, что только Белинский может поднять и поддержать его журнал...» «При всем том, — заключает Добролюбов, — зная об исполнении ожиданий Кр<аевского> Ср<езневский> до сих пор упорно отвергает значение Белинского в истории русск<ого> просвещения!»²⁷ Если отбросить последнее свидетельство, относящееся к 1857 г. и выражающее позднейшее мнение Срезневского о Белинском, и возвратиться к описанной выше встрече его с критиком в октябре 1839 г. у Краевского, то мы увидим, что запись в дневнике Добролюбова несомненно имеет в виду ту же самую встречу, которая была едва ли не единственной. Для нас в особенности существенно то, что Срезневский был свидетелем восторженного приема, который оказал Белинскому Краевский, был свидетелем этой знаменитой сцены, описанной и в других источниках, например в воспоминаниях И. И. Панаева²⁸. Таким образом, уезжая в продолжительное путешествие по славянским странам, Срезневский уже знал, какую роль будет играть Белинский в «Отечественных записках». Это для нас тем более интересно, что цель визита к Краевскому самого Срезневского заключалась в том, чтобы договориться о корреспонденциях, которые он намерен был посылать из своих странствий в «Отечественные записки». Журналом Краевского Срезневский очень заинтересовался и за несколько дней до отъезда за границу готовил ряд вырезок из одиннадцати книжек «Отечественных записок» за 1839 г. для того, чтобы взять их с собой²⁹.

Несомненно, что соглашение с Краевским было достигнуто и что в беседе с Белинским Срезневский не почувствовал никакой иронии или недоброжелательства. Отношения между Срезневским и журналом устанавливались прочные. Вскоре, с 1840 г., в «Отечественных записках» начали появляться его статьи, присылавшиеся в форме писем, о новостях славянской литературы и искусства. Одну из таких статей Срезневский послал в «Отечественные записки» из Праги в начале 1841 г., т. е. именно тогда, когда он ежедневно встречался с Иорданом: это была статья о чеш-

ском театре³⁰. Любопытна одна деталь: инициатором этой статьи Срезневского был П. И. Прейс, писавший из Праги в Петербург (12 января 1841 г.) близкому другу своему М. С. Куторге (профессору Петербургского университета по кафедре всеобщей истории, сотруднику «Отечественных записок», лично знакомому с Белинским, который высоко оценивал его печатные труды): «Подробности о театре чешском будут сообщены в „Отечественные записки“ Срезневским. Я его об этом просил: это по его части»³¹. Со стороны Прейса такая просьба была тем более естественна, что он тогда считал «Отечественные записки» (между прочим, и на основании писем к нему того же М. С. Куторги) единственным русским журналом начала 1840-х годов, достойным внимания и поддержки³², и безусловно знал, какую роль в этом журнале начал играть Белинский. Незадолго перед тем как отправиться вместе с Срезневским на славянский берег Адриатического моря, Прейс в Вене встретился с близким другом Белинского, П. Ф. Заикиным, у которого Белинский прожил в Петербурге около полугода (с декабря 1839 г. до середины мая 1840 г., когда Заикин уехал за границу). Белинский любил этого «чудеснейшего человека» и имел с ним много общих приятелей. В одном из писем Заикина к Белинскому из-за границы (Вена 28 октября [1840 г.]) есть известие о его знакомстве с В. Ганкой: «Г-ну Ганке, одному из ученых г. Праги, я подарил стих<отворения> Кольцова, и он обещал перевести некоторые песни на чешский язык»³³. Именно об этом приятеле и корреспонденте Белинского Прейс писал Ганке (Вена, 5 апреля 1841 г.): «Я только что пришел от моего доброго земляка и вам хорошо знакомого, от г. Заикина. Вечер прошел в приятном разговоре. Была речь и о Праге и о том, который так дорог для всех русских, посещавших очаровательную столицу чехов» <т. е. о Ганке>³⁴. Может быть речь у Заикина с Прейсом шла также и о Белинском? Через день Прейс уехал в Триест, где условился встретиться со Срезневским.

Весь вышеприведенный экскурс оказался необходимым для того, чтобы обосновать наше предположение о возможности знакомства Иордана с именем и деятельностью Белинского еще в 1840—1841 гг. при посредстве Срезневского или Прейса. Как видим, это представляется очень вероятным. Добавим, что Ганка мог узнать о Белинском также и от П. Ф. Заикина, как он узнал от него о Кольцове. Во всяком случае, в Праге и в других славянских городах уже следили за «Отечественными записками», превратившимися в эти годы, в значительной степени под воздействием Белинского, в передовой орган русской общественной и литературной мысли³⁵. Кое-где журнал уже получался регулярно. Так, М. П. Погодин еще в 1839 г. видел «Отечественные записки» у известного чешского ученого-физиолога Яна Пуркини, профессорствовавшего в Бреславле и собиравшего вокруг себя славянский кружок преимущественно из лужичан³⁶. В 1842 г., на обратном пути на родину, в Бреславль заехал Срезневский; он писал оттуда Ганке, в Прагу: «вам напишу несколько слов об „Отечественных записках“, которые встретил у почтеннейшего профессора Пуркини между множеством русских книг и журналов. Он уже получил 5 книг этого журнала. В 5-й есть мое письмо о чешской литературе и рукописи реймской: а в этом письме стоит, между прочим, что хорошо бы сделал издатель, если б прислал в Прагу свой журнал! На это он заметил: с большим удовольствием! Отсюда же буду писать о пути пересылки»³⁷.

Таким образом, от своих русских или чешских друзей Иордан еще в Праге мог узнать имя Белинского и читать его статьи в «Отечественных записках»; он интересовался русской литературой, к журнальной деятельности чувствовал склонность, переводов с русского языка не прекращал... Тем не менее прямых, документальных свидетельств о том, что он знал о Белинском и тогда, когда уже приступил к компилированию и переводам его статей, у нас не имеется.

В конце 1841 г., когда расстроились планы путешествия Иордана со Срезневским и Прейсом по славянскому югу, он вернулся на родину и всецело посвятил себя изданию газеты в Будышине на сербо-лужицком языке. Задача, которую он себе поставил, была прежде всего просветительская: необходимо было содействовать сближению лужицкого народа с его славянскими родичами, распространить национальное самосознание в народной массе, дать ей полезное и занимательное чтение, а вместе с тем и способствовать его образованию. Предприятие казалось новым, невиданным у лужичан, и Иордан горячо взялся за дело. С января 1842 г. эта газета, получившая многозначительное название «Jutnička», т. е. «Денница», «Утренничка» — утренняя звезда, подобно многим другим денницам, заблиставшим в те же годы на небосклонах различных славянских стран, стала еженедельно выходить в г. Будышине. Иордан был ее редактором, издателем и основным сотрудником; он пытался также привлечь к изданию своих немногочисленных друзей, владевших лужицкой речью. «Торговки стали принимать в свои корзины эти невиданные листы, — вспоминал Срезневский о «Ютничке» в 1844 г., — и народ стал их раскупать, платя за каждый по полуторы копейки, сам не веря, не нарадуясь, что и у него есть своя газета. Идучи раз в неделю с городского базара, как не купить, вместе с пряником для своего дитяти, листок для себя, — листок, в котором найти можно и о старом и о новом, и совет для хозяйства, и удалую песню, и веселый рассказец, и чудную сказку, которая хотя и помнится с детства, а читается все-таки будто что-то не слышанное...»³⁸ Одновременно с изданием «Ютнички» Иордан развернул также деятельность фольклориста-собирателя, издав, между прочим, под псевдонимом «Вичаец Петр» небольшой популярный песенник для своих соотечественников³⁹.

В «Ютничке» помещались известия из различных славянских стран, в том числе и из России⁴⁰. Но газета пошла плохо. Высказывалось мнение, что ее неуспех объяснялся в значительной степени непривычной для лужичан новой орфографией (разработанной Иорданом по образцу чешской)⁴¹. Однако имелась гораздо более важная причина, помешавшая успеху газеты: при всех своих отчетливых демократических симпатиях Иордан, повидимому, плохо знал подлинные интересы и нужды своих читателей из народа, т. е. сербо-лужицких крестьян, и не учитывал их запросов; он тяготел к другому, более «ученому» читателю. Стремление совместить в одном периодическом органе популяризаторские задачи народного листка и общеславянского литературного журнала оказалось невыполнимым.

В середине 1842 г. Иордан, не без хлопот со своей стороны, получил приглашение в Лейпцигский университет на должность лектора славянских языков и литератур⁴². Университетская трибуна открывала, казалось ему, более широкие и заманчивые перспективы для продолжения его национально-просветительной работы. Он попробовал передать газету своему приятелю Я. Смоляру, пытался перенести издание «Ютнички» в Лейпциг, но распространение в Лужицах газеты, печатаемой в Лейпциге, оказалось практически невозможным. В Лейпциге вышло всего два номера «Ютнички» (под названием «Сербская ютничка»⁴³, уже ежемесячного журнала). Затем издание Иордана прекратилось. Но его идея издания лужицкой газеты была подхвачена другими. Перед самим же Иорданом открылись новые перспективы; встали новые задачи, которые совершенно его увлекли. Вскоре после своего переселения в Лейпциг Иордан взялся за издание нового «общеславянского журнала», но уже не на родном, лужицком, языке, а на немецком.

Лекции Иордана, которыми положено было основание славистики в Лейпцигском университете, начались в 1843 г. и продолжались до зимнего

ЯН-ПЕТР ИОРДАН
Фотография 1870-х гг.

семестра 1847 г. Первыми Иордан объявил два курса: «История русской литературы от ее возникновения до Карамзина» (2 часа) и «О флексии в славянских языках — русском, болгарском, иллиро-сербском, польском, чешском, лужицко-сербском» (1 час)⁴⁴. Литературные и лингвистические курсы различного характера, преимущественно уже на западославянском материале, Иордан читал здесь и в последующие пять лет⁴⁵.

С первых дней своей преподавательской деятельности в Лейпциге Иордан столкнулся со значительными затруднениями: в библиотеке университета не было для преподавателей и студентов ни учебных пособий, ни словарей, ни литературных текстов на славянских языках. Для того, чтобы обеспечить развитие славяноведения как науки, необходимо было создать славянские книжные фонды, обеспечить библиотеки регулярным поступлением славянских изданий. Вокруг Иордана вскоре создался небольшой кружок разноплеменных славянских студентов⁴⁶. Иордан вступил в сношения с различными издательствами и стал выпускать в свет одну за другой разнообразные книги на славянские темы как свои собственные, так и других авторов. Тогда же возникла у него идея журнала, специально посвященного славяноведению. Иордан был более публицистом, чем ученым. Разбор в течение семестра флексий славянских языков не мог исчерпать всех его интересов и творческих стремлений. Обладая темпераментом политика и журналиста, Иордан рвался к широкой литературной деятельности. Ограничить себя одними лишь учено-филологическими занятиями в немецком университете значило для Иордана изменить народному сербо-лужицкому и славянскому делу, которое он представлял себе тогда, в основном, как широкое интеллектуальное общение славянских народов на почве литературы и журналистики. Иордан долго не расставался с мыслью о журнале на немецком языке. Журнал должен был называться «Славянским обозрением» — «Slawische Revue» (об этом проекте Иордан оповестил своих читателей в своей лужицкой газете еще в июньском номере

1842 г.); вскоре, однако, название будущего журнала и программа его изменились ⁴⁷. С начала 1843 г. журнал Иордана начал регулярно выходить в свет в Лейпциге. Это были «Славянские летописи» (*Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft*).

Задача, которую Иордан поставил теперь перед собой, заключалась в том, чтобы создать орган межславянского литературного общения, журнал, который мог бы выполнять роль посредника между отдельными славянскими литературами. Это было нелегкое дело: книги и журналы, выходившие в отдельных славянских странах, с трудом проникали за пределы этих стран, застревая в таможенных и цензурных инстанциях: русская книга, например, получалась в Праге, Вене или Лейпциге с затруднениями, к турецким же славянам она в ту пору почти и вовсе не имела доступа. Журнал Иордана мог иметь успех, так как он действительно отвечал назревшей потребности не только научного славяноведения, но и более широких читательских интересов в странах Западной Европы. Еще в 1835 г. венский книгопродавец В. Дундер, присылая в Российскую Академию свой проект огромного общеславянского книжного каталога, писал: «Славянская словесность, а особливо русская, польская и богемская, в новейшие времена обратила на себя достодолжное внимание образованной Европы: но до сего времени многие важные вопросы чужеземных любителей словесности об отличнейших творениях славян оставались от книгопродавцев без ответов, по незнанию славянской словесности, по недостатку сведений, откуда получать славянские книги» ⁴⁸.

Для успешного ведения журнала Иордану необходимо было создать разветвленную сеть корреспондентов в различных славянских странах; старые пражские связи, в частности его непрекращавшаяся переписка с Ганкой, могли обеспечить сотрудничество в журнале многих лиц, но этого было все же недостаточно; необходимо было заручиться поддержкой новых литературных друзей. В частности, чрезвычайно важно было приобрести постоянных сотрудников в России: русской литературе Иордан собирался отвести в своем журнале наиболее почетное место; недаром и свои лекции в Лейпцигском университете он начал с курса истории русской литературы. Первая мысль Иордана была о старых друзьях — Срезневском и Прейсе. Следует, однако, отметить, что хотя их имена попадают в «Летописи», но официальными сотрудниками они объявлены не были ⁴⁹. Зато в качестве постоянного сотрудника и корреспондента из России на первых же страницах журнала появилось имя Куника — будущего петербургского академика. Это было в самом начале его литературной деятельности.

Эрнест-Эдуард, или Арист Аристович Куник (1814—1899), родом из Силезии, интересовался славянством еще в годы учения в Бреславле и Берлине. Окончив Берлинский университет в 1838 г., Куник после непродолжительного пребывания в Варшаве переехал в Москву. Одним из его первых покровителей был М. П. Погодин, который заинтересовался им в особенности потому, что молодой ученый хотел стать посредником между славянской и немецкой наукой. Первые его статьи появились в «Москвитянине» 1841—1842 гг. В 1841 г. Куник вернулся в Германию, жил в Берлине и Лейпциге, безуспешно пытаясь здесь издать свои сочинения и переводы ⁵⁰. Осенью 1842 г. в Лейпциге с Куником встретился Погодин и, как он записал в своем дневнике: «услышал от него много любопытного»; здесь же его «окружили сербские студенты и прочие словенские», и Погодин, по свидетельству того же его дневника, «порадовался на их юношеское одушевление. Великое готовится» ⁵¹. Вскоре, однако, Куник вернулся в Россию. В ноябре 1842 г. он приехал в Петербург, где и погрузился в работы по славянским древностям и русской истории.

В Лейпциге Куник познакомился с Иорданом как раз в тот период, когда последний в разноплеменном славянском кружке готовился к изданию

своих «Летописей». Это известно из письма Иордана к В. Ганке от 29 августа 1842 г.⁵²; возможно, что Куник принимал близкое участие в организации задуманного журнала. По выходе в свет первой книжки журнала П. Шафарик писал Погодину из Праги (5 февраля 1843 г.): «В Лейпциге появились „Jahrbücher d(er) slaw(ischen) Lit(eratur)“ Иордана (и Куника)» (в оригинале: Kunig) и прибавлял: «Я не ожидаю от них много хорошего»⁵³. К вопросу о том, почему Шафарик не возлагал больших надежд на этот новый орган, посвященный славяноведению, мы еще вернемся ниже, но нас, естественно, может интересовать вопрос, почему Шафарик считал Куника чуть ли не соиздателем Иордана? Шафарик, скорее всего, основывался на том, что в первом номере «Летописей» была помещена статья Куника «Людевит Гай и иллиризм», за его полной подписью⁵⁴; ряд других статей и корреспонденций Куника появился в «Летописях» в том же 1843 г., но уже лишь с инициалами, а затем и вовсе без подписи⁵⁵. Объясняется это, повидимому, тем, что уже в этом же году журнал Иордана был запрещен к обращению в России, и Куник, добивавшийся в это время академической должности в Петербурге, не хотел компрометировать себя участием в «опасном» журнале. Однако есть все основания предполагать, что и после 1843 г. письменные связи Куника с журналом и его редактором не прекратились⁵⁶. Может быть, этим отчасти и объясняются прекрасная осведомленность «Летописей» в русской литературной жизни середины 1840-х годов и полнота соответствующей библиографической информации в издании. Куник, несомненно, снабжал Иордана вновь выходящими русскими книгами и журналами, а в своих частных письмах сообщал Иордану ряд таких литературных новостей из Петербурга, о которых еще молчала русская пресса. На первых порах, у «Летописей» были и другие сотрудники из России, имена которых перестали упоминаться на страницах журнала одновременно с исчезновением имени Куника⁵⁷. Интересно, что почти одновременно с запрещением распространения «Летописей» в России к ним весьма подозрительно начали приглядываться австрийские власти в Вене. В 1843 г. один из агентов Меттерниха доносил, что журнал Иордана организован будто бы «под русским влиянием и не без намерения оказывать воздействие на соседние славянские страны, особенно на Богемию; по крайней мере, предполагаемый русский агент (?) по имени Куник, незадолго перед тем явившийся в Лейпциг непосредственно из Петербурга, приметным образом интересовался этим предприятием и обещал ему значительную поддержку»⁵⁸.

Некоторые славянские деятели были недовольны тем, что Иордан стал издавать свой журнал на немецком языке; для органа общеславянской культурной информации иные предпочитали один из славянских языков, другим (например, представителям польской эмиграции) более подходящим для этой цели представлялся французский язык. Литератор и историк И. Л. Корвин-Ястржембский, член польского «Литературного товарищества» в Париже, еще до выхода в свет первой книжки «Летописей» Иордана, о которой, однако, слухи дошли уже и до французской столицы, писал по этому поводу В. Ганке в Прагу (5 ноября 1842 г.): «здесь, на Западе, немецкий язык очень мало кому известен; едва ли г. Иордан найдет много читателей»⁵⁹.

Для недовольства новым журналом, пытавшимся найти точки соприкосновения культурных интересов для разноплеменных славян, разделенных и географически, и политически, и социально, были, разумеется, и более веские основания. Журнал, естественно, не мог отстраниться от обсуждения тех острых социально-политических проблем, которые по-своему, в различных целях и применениях, горячо обсуждались во всех концах славянского мира. Как ни подчеркивал Иордан в программной статье первого номера журнала, с его характерным эпиграфом («Понимание!

Примирение! Объединение!)), сугубо литературные задачи своего органа, но даже в информационно-библиографической части издание не могло остаться в рамках бесстрастного описания разноязычных славянских книжных новинок. Периодический орган, ставивший своей целью не только внимательно следить за литературой и журналистикой во всех странах со славянским населением, но и давать оценку всему тому, что о славянстве писалось на не-славянских языках, неминуемо должен был превратиться в журнал с яркой политической окраской. Так, действительно, и случилось.

Нужно полагать, что именно это обстоятельство заставило П. Шафарика, хорошо знавшего Иордана, заранее усумниться в том, что его журнал будет иметь желательную направленность, и «по секрету» сообщить Погодину, что он «не ждет от него много хорошего». Первые же книжки «Летописей» показали, что славянские проблемы ставились и решались там далеко не в духе реакционно-славянофильских утопий. Вскоре на это же обратила внимание и русская цензура. Сам Иордан сообщил в своем журнале, что «Летописи» были запрещены в России после того, как в них была напечатана статья «Мицкевич о Пушкине»⁶⁰. Эта статья, представлявшая выдержки и пересказы суждений Мицкевича о Пушкине из его парижского курса лекций о славянских литературах, была напечатана в первой книжке «Летописей» за 1843 г.⁶¹ Следовательно, если верить редактору, его журнал был запрещен в России тотчас по основании, а приславшиеся ему русские статьи и корреспонденции сразу же стали анонимными. Этим, вероятно, и объясняется, что в русских книгохранилищах «Летописи» представляют библиографическую редкость, что, в свою очередь, разъясняет причину, по которой журнал Иордана до сих пор не привлёк к себе внимания историков русской литературы. Между тем, в «Летописях» можно найти немало интересных данных как для истории русской литературы, так и, в особенности, для истории русской журналистики, за которой «Летописи» следили очень внимательно.

Позиция, занятая журналом в славянском вопросе, определилась сразу: «Летописи» в первых своих номерах высказали резко отрицательные суждения о русском самодержавии и о политической доктрине правого крыла русских славянофилов, поскольку последние отводили руководящее значение в деле объединения славян монархическому строю России, а также православию и общине.

Вместе с тем, журнал все откровеннее и яснее высказывался за русскую демократическую «партию прогресса», требовавшую обновления государства и внутренних реформ. В 1845 г. Иордан считал необходимым напечатать в «Летописях» резко-полемическую статью против немецкого журнала «Magazin der Literatur des Auslandes», обвинившего «Летописи» в «панславистских стремлениях»: «Если „Magazin“ понимает под этим то, что понимает под этими словами вся немецкая литература, т. е. стремление всех различных славянских племен в Турции, Австрии, Пруссии и Саксонии объединиться сначала в умственном отношении, потом в материальном и политическом под флагом русской державы (то есть самодержавия), и если он имеет в виду и а с под этими словами, то мы называем это обвинение „Magazin“ низкой л о жью, раз и навсегда. Ложью, так как мы часто высказывали наши взгляды на позицию России по отношению к славянству, начиная с первых выпусков „Летописи“ <...> как с помощью подбора наших статей, так и с помощью убедительных объяснений <...>, высказанных открыто...»⁶²

Внимательный просмотр «Летописей» за 1843—1846 гг. показывает, что Иордан был прав и что самые сочувственные отзывы о передовой русской литературе, которые помещались в журнале, следившем за ней чрезвычайно внимательно, сочетались здесь с критикой самодержавного строя и

всех порожденных им явлений в государственной, политической и общественной жизни страны. Показательно, что журнал Иордана пристально следил за русской журнальной борьбой. Первоначально «Летописи» отмечая все признаки и фазы этой борьбы, стремились к максимальному объективизму. «Летописи» интересовались всеми русскими журналами, нередко ссылались на «Москвитянина», поместили статью Шевырева о «Современном состоянии русской литературы», упоминали о Погодине и т. д.; вскоре, однако, лучшим русским журналом были объявлены «Отечественные записки», и на них стали делаться все более частые ссылки.

Корреспонденция из Петербурга, помещенная во втором номере «Летописей» за 1843 г. и принадлежащая, как мы уже знаем, А. Кунику (подпись: К.), начинается характеристикой русских журналов «Москвитянина» и «Отечественных записок», противопоставленных друг другу. «Отечественные записки» характеризованы как журнал, «обнимающий всю область человеческого знания», «выделяющийся своей постоянной острой критикой»⁶³ и т. д. В следующем же номере эти сведения дополняются и уточняются: указано, например, что «Отечественные записки» враждуют с «Москвитянином» из-за «славянизма» (то есть славянофильства)⁶⁴. В третьем же номере «Летописей» за 1843 г. помещен обзор «Русская литература в 1842 г.», представляющий собой пересказ статьи Белинского под таким же заглавием в «Отечественных записках»⁶⁵. Иордан, если именно, ему принадлежит этот пересказ (статья помещена без подписи), говорит преимущественно о журналистике: «Русская общественная жизнь сосредоточивается вплоть до настоящего времени в ее литературе, поэтому журналистика обладает здесь могуществом, значение которого признается всеми. Критика имеет важнейшее значение для столь быстро развивающейся литературы...» Далее, в той же статье: «Критика составляет, как это мы уже много раз повторяли, важнейшую часть русской литературы. Политика, в других странах дающая действительно ежедневную пищу для всех образованных людей, в России из-за цензурных условий <...> находится в полном пренебрежении; вместо того научно-беллетристические журналы служат главным и единственным источником для удовлетворения таких потребностей». Но сила русской журналистики, по мнению автора, заключена не в ежедневных газетах, как в Западной Европе, но в «толстых», как их здесь называют, журналах (die «dicken», die «dickleibigen» Journale), среди же последних «настоящим образом являются „Отечественные записки“, журнал, выходящий двенадцатью выпусками по 25—30 листов каждый, большого формата и убористой печати, что составляет, таким образом, до 800 листов в год...». Автор подробно останавливается на вопросе о популярности «Отечественных записок» среди русских читателей, которых журнал находит и в провинциальных городах и в «сельских местностях», описывает нетерпение, с которым эти читатели ожидают выхода в свет каждой новой книжки «Отечественных записок».

Любопытно, что в этой же статье «Летописей» дается краткая история русской литературной критики от «обозрений» Бестужева-Марлинского до начала 1840-х годов, но имя Белинского не названо. Отметим, что кое-где, приводя не пересказ статьи Белинского, а его подлинный текст в переводе, заключаемый в кавычки, автор предваряет такие цитаты словами: «„Отечественные записки“ полагают, что...» Означало ли это умолчание имени Белинского, что редактор «Летописей» действительно не знал, кому принадлежат неподписанные критические статьи и рецензии в русском журнале,— мы не знаем. Но ссылки на заимствуемый из «Отечественных записок» критический материал в «Летописях» встречаются часто⁶⁶. Весьма полная библиографическая информация «Летописей» о русских книжных новинках в значительной мере составлена также по «Отечественным запискам».

Пристрастие «Летописей» к «Отечественным запискам» настолько бросалось в глаза, что на него обратили внимание другие немецкие журналы. В связи с этим Иордан счел нужным выступить со своего рода программным заявлением. В 11 выпуске «Летописей» за 1845 г. появилась интересная статья (без подписи) — «Партии в русских журналах»⁶⁷; автором ее, несомненно, был Иордан. Статья показывает, что Иордан довольно хорошо понимал и русскую литературно-журнальную борьбу, и направлявшие ее общественные силы. Отметив, что русские периодические издания группируются вокруг двух враждующих между собой лагерей: «консервативного» и «прогрессивного», и указав на «промежуточные» прослойки (автор отрицательно отзывался о реакционно-славянофильском «Москвитяине» и в особенности резко о мракобесном «Маяке»; к органам же, тяготеющим к «партии прогресса», но занимающим недостаточно четкую позицию, отнесена «Библиотека для чтения»), автор особенно выделяет «Отечественные записки», как журнал «философский» и наиболее ясно отражающий задачи «партии рационального движения» («der rationalen Bewegung»). «Ряд великолепных (herrliche) статей о русской литературе представляет направление „Отечественных записок“ с такой полнотой, ясностью и отчетливостью, что мы считаем излишним говорить о нем». Указав далее на то, что «участие почти всех лучших русских писателей обеспечивает этому журналу блестящее будущее и длительный успех», Иордан делает одно в высшей степени интересное для нас признание. Он пишет: «Может быть некоторые читатели упрекнут меня в пристрастии к „Отечественным запискам“. На это я отвечу, что я не знаком лично с редактором этого журнала и не принадлежу к его сотрудникам, хотя и причисляю себя к той партии, которая примыкает к их идеям и их поддерживает. Ни один из деятелей этого журнала (keines von den Organen jener Zeitschrift) не знает меня, однако я с радостью повторяю, что его воззрения (Aussichten) я считаю своими. Пусть данная статья явится как бы исповеданием моей веры (Glaubensbekenntniss) и укажет на те идеи, с помощью которых я буду высказывать свое мнение о русской литературе и о тех, кто ее создает»⁶⁸.

Трудно было бы высказаться яснее. Иордан заявляет о своей солидарности не только с общим направлением «Отечественных записок», но прямо ссылается на ряд «великолепных статей» этого журнала о русской литературе, т. е. на статьи Белинского, и предупреждает, что с их поддержкой он будет и впредь высказывать свои суждения о русских писателях. Существенно его указание на то, что никто из членов редакции «Отечественных записок» не знает его и что он не знаком и с редактором А. А. Краевским. Сказано это с очевидной целью оправдать свое «пристрастие» к «Отечественным запискам» указанием на бескорыстные мотивы той популяризации идей русского журнала (прежде всего в оценках русских писателей), которую Иордан проводил на страницах своих «Летописей». Но это своеобразное «исповедание веры», к сожалению, не решает того вопроса, к которому мы уже возвращались столько раз. Мы так и не узнаем из «декларации» Иордана, было ли известно ему имя того сотрудника «Отечественных записок», чьи статьи определяли направление журнала и оценивались им как «великолепные» — имя Белинского. Иордан глухо упоминает лишь об участии в «Отечественных записках» «почти всех лучших русских писателей». Очевидно, однако, что появление в «Летописях» еще в 1843 г. «Краткого очерка истории русской литературы», скомпилированного и частично переведенного Иорданом из статей Белинского о Пушкине, а также и других явных и скрытых извлечений из статей критика, не являлось случайностью. Острый интерес Иордана к статьям Белинского не ослабевал и в последующие годы. Тем не менее его имя в первый раз было названо в «Летописях» лишь в 1846 г.

В 1846 г. в Лейпциге Иордан выпустил отдельной книгой «Историю русской литературы», в подзаголовке которой обозначено: «по русским источникам обработал д-р Я.-П. Иордан»⁶⁹. В этой книге 190 страниц. Это те же статьи Белинского о Пушкине, что и напечатанные в «Летописи» 1843—1844 гг. под заглавием «Краткий очерк...», но в более полном виде и в пересмотренном, уточненном переводе; они разделены Иорданом на главы и снабжены заголовками переводчика. Всех глав 13 (гл. 1 — «Происхождение и характер русской литературы»; гл. 2 — «Ломоносов и его школа»; гл. 3 — «Державин и его современники»; гл. 4 — «Карамзин и его эпоха»; гл. 5 — «Отношение Карамзина к языку и содержанию литературных произведений»; гл. 6 — «Жуковский и Батюшков против Карамзина»; гл. 7 — «О романтизме вообще»; гл. 8 — «Действие романтизма в России. Жуковский»; гл. 9 — «Батюшков»; гл. 10 — «Гнедич»; гл. 11 — «Мерзляков»; гл. 12 — «Кн. Вяземский»; гл. 13 — «Пушкин»). Кончается книга главой о Пушкине. Иордан остановился на этот раз на четвертой статье Белинского о Пушкине и не пошел далее. Эта четвертая статья, напечатанная в двенадцатой книжке «Отечественных записок» за 1843 г., заканчивалась так: «Предлагаемая статья есть не что иное, как только введение в статьи собственно о Пушкине. Мы имели в виду показать историческую связь пушкинской поэзии с поэзией предшествовавших ему мастеров; старались охарактеризовать Пушкина как только еще ученика в поэзии <...> Главный труд наш еще впереди, и статьи о Пушкине будут продолжаться в «Отеч. записках» будущего года; за ними последуют, как было обещано, статьи о Гоголе и Лермонтове» (XI, 359). Все это осталось и в переводе Иордана, за исключением упоминания «Отечественных записок» и еще одной фразы Белинского («Многие, может быть, недовольны, что эти статьи долго тянутся и беспрестанно прерываются статьями посторонними» и т. д.), сохранение которой в переводе было бы бессмыслицей. Конец книги у Иордана получил такой вид: «Предлагаемая статья о Пушкине должна была представить лишь только историческую связь пушкинской поэзии с поэзией предшествующих ему мастеров» ... «Главный наш труд еще впереди; в последующей статье мы рассмотрим Пушкина как самобытного поэта, а за этим изложением последуют подобные же статьи о Гоголе и Лермонтове, чтобы таким образом дать читателю представление о развитии новейшей русской литературы в целом»⁷⁰.

Таким образом, перед нами четыре статьи Белинского в полном и точном немецком переводе. Некоторые изменения, сделанные переводчиком, совершенно незначительны, как и сознательно допущенные им небольшие пропуски⁷¹. Стараясь возможно ближе воспроизвести русский текст, Иордан сохранил в своем переводе даже такие места, которые могли иметь значение только для читателей «Отечественных записок». Так, например, Белинский написал в своей первой статье о Пушкине: «Мы здесь только повторяем, для связи настоящей статьи, *resumé* нашего воззрения на Державина; кто хочет доказательств, тех отсылаем к нашей статье о Державине во второй и третьей книжках „Отеч. записок“ нынешнего года» (XI, 204). Все это место осталось и в немецком переводе, за исключением слов: «нынешнего года», замененных точной датой: 1843 года⁷². В другой раз, говоря о Жуковском и Батюшкове, Белинский написал: «настоящая пора их деятельности началась после знаменитого 1814 года <...>. В следующей статье мы поговорим о них подробнее» (XI, 215). Иордан в своем переводе опустил слово «знаменитого» и заменил заключительную фразу собственной переделкой: «поэтому они относятся к следующему периоду»⁷³. При переводе второй статьи Белинского о Пушкине, заменив слова «у нас» словами «in Russland», Иордан, однако,

полностью оставил в переводе то место, которое ничего не значило для немецкого читателя, если он не догадывался, что перед ним русский текст, переведенный на немецкий язык. Белинский пишет: «Еще в детстве мы через Жуковского приучаемся понимать и любить Шиллера, как бы своего национального поэта, говорящего нам русскими звуками, русскою речью...»⁷⁴ (XI, 294).

Иордана могли спросить: почему немецкие дети должны были изучать Шиллера в мастерском русском переводе? Ведь когда дело дошло до перевода того места статьи Белинского, где речь идет о переведенной Жуковским из Шиллера балладе «Рыцарь Тоггенбург», Иордан, опустив в своем переводе пересказ содержания этой баллады, принужден был ввести в свой текст цитату из немецкого подлинника баллады, а затем напечатать по-русски и строки из ее стихотворного перевода Жуковского⁷⁵. Против такого решения, принятого переводчиком, естественно, трудно было бы что-либо возразить. Вообще же Иордану пришлось, с одной стороны, сохранить ряд стихотворных цитат из русских поэтов в оригиналах, обильно приводившихся Белинским (лишь некоторые, более мелкие образцы даны Иорданом в переводах, иногда также стихотворных), а с другой стороны, отказаться от их воспроизведения, если это не нарушало связности рассуждения. Больше всего опущено Иорданом отрывков из стихотворений Жуковского; опущены и некоторые другие цитаты.

Переводя текст Белинского слово в слово, Иордан счел нужным в нескольких местах, вызывавших у него сомнение или возражения, поставить вопросительные знаки. Он сделал также несколько пояснительных замечаний в сносках. Говоря о Крылове, Белинский написал, между прочим: «Крылов вполне народный писатель, и теперь уже воспитатель не менее тридцати поколений» (XI, 215). Иордан перевел это вполне точно, но поставил вопросительный знак против смутившего его слова «поколений»: «Krylow... ist jetzt bereits der Erzieher von nicht weniger als dreissig Geschlechtern (?)»⁷⁶. В самом деле, почему тридцати поколений? Скорее всего, в журнальный текст здесь вкралась опечатка, не устранившая, кстати сказать, и во всех позднейших изданиях⁷⁷. В следующей же фразе Белинского Иордан снова поставил свой недоуменный вопросительный знак после слов: «басня, как род поэзии, довольно ложный род», но не снабдил своих сомнений никакими собственными замечаниями. Внимание Иордана остановили на себе также несколько замечаний Белинского о романтизме. После слов Белинского: «У России не было своих средних веков, и в литературе ее не могло быть самобытного романтизма» (XII, 247), Иордан поставил в скобках вопросительный знак рядом с восклицательным, а к определению Белинским Платона как «величайшего романтика не только древней Греции, но и всего мира» привел в сноске справку из истории европейской средневековой литературы⁷⁸. До какой степени бережно Иордан относился к переводимому им тексту, может показать также и следующий пример. Иордану, очевидно, показалось неудобными для немецкой книги то место рассуждений Белинского о романтизме, где он говорит о Германии; романтизм, — по мнению Белинского, — «воскрес в стране, которой умственную жизнь составляет теория, созерцание, мистицизм и фантазерство и которой действительную жизнь составляет пошлость бюргерства, гофратства и филистерства, — в Германии» (XI, 245). Вся эта фраза вполне точно воспроизведена и в немецком переводе, но в сноске Иордан заменил настоящее время: «составляет» прошедшим: «составляло» (Der Verfasser meint b i l d e t e)⁷⁹. Укажем, в заключение, что на протяжении всех своих 190 страниц перевод Иордана вполне точен в смысловом отношении и что он сделан с отчетливым пониманием оригинала; нам встретилась лишь одна очевидная ошибка: заглавие оды Ломоносова «К Иову» Иордан перевел «An Jupiter» (вместо следуемого

«An Job»), приняв имя героя одной из библейских книг за одно из наименований Юпитера (Jovis).

Замысел Иордана представить немецким читателям первые статьи Белинского о Пушкине в виде очерка истории русской литературы нельзя не признать вполне удачным. О создании труда именно под таким заглавием с начала 40-х гг. мечтал сам Белинский. Назначение, характер, объем задуманной им книги менялись, но он не переставал возвращаться к ней до конца своей жизни. «Я собираюсь писать историю русской литературы с пиитикою для книгопродавца Полякова», — сообщал Белинский В. П. Боткину еще в августе 1840 г. («Письма», II, 145). В следующем году об этом же проекте, как о близком к осуществлению, «Отечественные записки» сочли возможным довести даже до всеобщего сведения, притом, что для нас особенно существенно, назвав имя автора. В третьем номере журнала за 1841 г., в предисловии к статье Белинского «Разделение поэзии на роды и виды» было указано, что эта статья является отрывком из «задуманной г. Белинским» книги «Теоретический и критический курс русской литературы». Здесь же сообщен был проспект этого будущего объемистого труда («более нежели в тридцать листов»), который предполагалось выпустить в свет в начале 1842 г. В проспекте указывалось, между прочим, что книга эта, «кроме эстетики и теории словесности» и вводного обзора памятников русской письменности, должна была содержать в себе «историю книжной русской литературы от Кантемира и Ломоносова до Карамзина, от Карамзина до Пушкина и от Пушкина до 1841 г. включительно» (VI, 63—64; VII, 335, 411; XII, 520)⁸⁰. В 1843 г., в начале своей первой статьи о Пушкине (опущенном в переводе Иордана), Белинский также предупреждал читателей, что ряд предлагаемых им статей образует в итоге «критическую историю изящной литературы русской»; «...приступая к критическому рассмотрению сочинений Пушкина, мы почли за необходимое сперва обозреть ход и развитие русской поэзии (...) с самого ее начала» (XI, 194). Заканчивая же свою четвертую статью о Пушкине (т. е. ту самую, на которой остановился и перевод Иордана), Белинский вновь напоминал: «задуманный и начатый нами ряд статей (...) это скорее обширная критическая история русской поэзии» (XI, 359)⁸¹. Следовательно, Иордан, по существу, не погрешил против авторского замысла, дав новое заглавие переведенным им статьям.

При изучении этого перевода наиболее существенными представляются нам два вопроса: почему Иордан ограничился переводом лишь четырех статей Белинского о Пушкине и почему книга напечатана с именем Иордана как автора или компилятора («обработка по русским источникам...»), а имя Белинского не названо в ней и на этот раз.

Ответы на эти вопросы необходимо искать как в биографии Иордана, так и на страницах издававшегося им журнала.

Выше мы уже упомянули о том, что издание 1846 г. по существу повторяло, хотя и в расширенной редакции, публикацию «Краткого очерка» на страницах «Летописей» 1843—1844 гг.

Но есть все основания предполагать, что и эта расширенная редакция перевода четырех статей Белинского о Пушкине представляла старую работу Иордана, выполненную им двумя-тремя годами раньше. В 1843—1844 гг. он напечатал в «Летописях» краткую, облегченную редакцию этого перевода. В 1846 г. он напечатал ее полностью отдельным изданием. Таким образом, перед нами две редакции одного и того же перевода: сокращенная и полная, что обнаруживается из параллельного их сличения.

Косвенным подкреплением высказанного утверждения может служить и то упомянутое нами обстоятельство, что первый курс, читанный Иорданом в Лейпцигском университете, в осеннем семестре 1843 г., назывался «История русской литературы от ее возникновения до Карамзина»: он

читал его в то самое время, когда его журнал печатал краткую редакцию приготовленного им перевода статей Белинского из «Отечественных записок» 1843 г.; существенно поэтому, что в 1843 г. журнал ограничился напечатанием той их части, которая доходит именно до Карамзина. Связь перевода Иордана с читанным им курсом лекций о русской литературе не подлежит никакому сомнению. Осуществив этот перевод, Иордан воспользовался им вдвойне: краткие извлечения из него напечатал в своем журнале, а полную редакцию использовал при чтении первого в летописях Лейпцигского университета курса истории русской литературы. Если ход нашего рассуждения правилен, то он устанавливает новый и заслуживающий внимания факт: первое изложение историко-литературных концепций Белинского с кафедры заграничного университета (хотя, вероятно, опять-таки без ссылки на автора) относится к 1843 году!

В последующие годы своей университетской деятельности Иордан специальных курсов по истории русской литературы более не читал; все его внимание сосредоточивалось на языковедческих занятиях с практическим уклоном, что, между прочим, объясняет и появление в печати многочисленных пособий Иордана по различным славянским языкам. В 1845/46 учебном году Иордан объявил в университете практические занятия по польскому языку с прямой ссылкой на только что изданное им учебное пособие: «по своей хрестоматии». Из перечня лекционных курсов, читанных Иорданом в Лейпцигском университете между 1843 и 1848 гг., видно, что он косвенно касался русской литературы еще (помимо упомянутого выше курса 1843 г.) только один раз, в 1844—1845 гг., в курсе о «социальных и литературных условиях развития славянских народов в настоящее время». Хотя редактирование «Летописей» с их полной и подробной библиографией заставляло Иордана во все эти годы внимательно следить за текущими событиями русской литературы и журналистики, но его специальные научно-литературные интересы явственно отклонились от вопросов русской литературы. По этим вопросам он все чаще предоставлял писать в своем журнале другим авторам. Статей на эти темы, п о д п и с а н н ы х полным именем Иордана, мы, во всяком случае, почти не находим. Все это вместе с крайне многообразной деятельностью Иордана в 1845—1847 гг. на поприще журналистики, публицистики и книгоиздательства помешало ему заняться переводом новых статей Белинского⁸². Иордан решил, по необходимости, ограничиться изданием своего ранее сделанного и полностью не опубликованного перевода четырех статей Белинского о Пушкине. Он полагал, что эта книга, названная им «Историей русской литературы», «составленной по русским источникам», могла вызвать к себе интерес и рассчитывать на широкое распространение.

В эти годы в Германии был повышенный интерес к русской литературе, а специальных книг, которые могли бы удовлетворить этот интерес, было очень мало. Достаточно напомнить, какую оживленную полемику вызвала книга Кенига «Literarische Bilder aus Russland» (1837), написанная в сотрудничестве с Н. А. Мельгуновым. В самый разгар споров об этой книге Белинский замыслил «написать историю русской литературы для немцев»⁸³. Замысел этот не был осуществлен, но зато Греч и Булгарин, которым досталось от Кенига, пытались ослабить направленный против них удар, выпустили сами, а также инспирировали ряд клеветнических статей и брошюр на немецком языке, в которых текущая литература и ее прошлое представлены были в самом искаженном свете и с самых реакционных позиций; в немецких газетах и журналах (в том числе и в «Летописях» Иордана) продолжалась та ожесточенная общественно-литературная борьба, которая начиналась в России⁸⁴.

Иордану была очевидна назревшая необходимость противопоставить всей этой информации — враждебно-реакционной, с одной стороны,

односторонней или просто поверхностной, с другой, — подлинно авторитетное освещение вопросов истории русской литературы. Иордан имел все основания думать, что составленная им «по русским источникам» «История русской литературы», то есть фактически перевод статей Белинского, будет иметь успех у немецких читателей. Этот расчет вполне оправдался.

Необходимо, однако, возвратиться к вопросу о том, почему в этой книге не было названо имя Белинского.

Быше мы говорили, что первоначально, для 1843 г., это могло быть результатом простой неосведомленности Иордана, поскольку привлечшие его внимание и переведенные им на немецкий язык критические статьи из «Отечественных записок» не были подписаны в журнале именем автора. Однако затем мы привели ряд фактов, свидетельствующих против такого предположения. К этим фактам следует теперь добавить еще один, который, повидимому, совершенно исключает распространение нашего предположения о недостаточном знакомстве Иордана с именем и деятельностью Белинского также и на 1846 г., когда в Лейпциге готовилось и было осуществлено издание перевода четырех статей критика о Пушкине. Как раз в 1846 г., хотя и несколько позднее выхода в свет «Истории русской литературы», на страницах «Летописей» Иордана не только несколько раз было названо имя Белинского, но появилась даже его характеристика.

В последней книжке «Летописей» 1846 г., за подписью W. была напечатана статья «Литературные заметки из России», в которой шла речь о новостях русской литературной жизни. Автор рассказывает, в частности, что, приехав в Петербург в ноябре 1845 г., он нашел весь круг литераторов, группировавшихся около «Отечественных записок», в сильном возбуждении в связи с предстоящим выходом в свет повести (в оригинале: рассказа) «Бедные люди». Ему указали на нее, как на замечательное произведение, «делающее значительный шаг вперед в той области изображения русской жизни, на которую вступил Гоголь». «...Об авторе этой повести писатель Иван Панаев рассказал мне с тем исполненным таинственности выражением лица, которое возбуждает любопытство к каждому слову. Имя молодого писателя — Достоевский; он развился в одиночестве и жестокой нужде. Его талант окреп быстро и сильно, без попечений с чьей-либо стороны, и первый брошенный на него взгляд настоящего ценителя <der erste Kennerblick> нашел его уже в полном цвету. Названная повесть попала в руки издателя альманаха, г. Некрасова, и произвела на него сильное впечатление; он показал ее своим друзьям, и все они, даже те, кто читал из нее лишь отрывки, были сильно растроганы» и т. д. Автор довольно подробно характеризует произведение Достоевского и заканчивает обещанием дать характеристику этой повести в более обширной критической статье или же представить ее полный немецкий перевод, когда для этого ему представится возможность ⁸⁵.

Это первое в немецкой литературе известие о Достоевском интересно для нас, в данном случае, не само по себе, так как о Достоевском оно не сообщает ничего нового. Для нас имеют значение здесь точные указания автора «Литературных заметок» о месте и времени получения им всех этих сведений о повести Достоевского: Петербург, литературный круг «Отечественных записок», И. И. Панаев, ноябрь 1845 г. Дело в том, что «Петербургский сборник», о котором идет речь в «Литературных заметках», в ноябре 1845 г. еще находился в печати; он вышел в свет лишь в середине января 1846 г. (дата его цензурного разрешения: 12 янв. 1846 г.). Несомненно, что автор «Литературных заметок», получивший от Панаева подробные данные о печатавшейся в этом сборнике повести Достоевского, посвящен был и в другие литературные события, интересовавшие тот же круг. Он должен был, в частности, узнать как о содержании всего альманаха в целом (напомним, что здесь печаталась также статья Белинского

Geschichte

der

russischen Literatur.

Nach russischen Quellen

bearbeitet

von

Dr. J. W. Jordan.

Leipzig, 1840.

Classische Buchhandlung.

Carl Bell & Comp.

«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ИЗДАННАЯ Я.-П. ИОРДАНОМ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. ЛЕПЦИГ, 1846 г.

Книга представляет собою перевод первых четырех статей Белинского о Пушкине

Титульный лист и первая страница книги

I.

Historische Entwicklung der russischen Literatur.

(Nach den Oeuv. Zapiski, 1843, Bb. III. und V.)

I. Ursprung und Character der russischen Literatur.

Die russische Literatur ist kein inländisches, sondern ein europäisches, aus dem Auslande herüber gepflanztes Gemäch. Dieser Umstand gibt ihr selbst und ihrer Geschichte einen eigenthümlichen Character; diesen Umstand nicht aufzulassen, oder auf ihn nicht die ganze Aufmerksamkeit zu verwenden, hieße die russische Literatur nicht verstehen, noch ihre Geschichte. Wir haben die Charakteristik derselben mit einer Vergleichung angefangen: wir fahren mit derselben fort. Einige Gemächse behalten, wenn sie in ein neues Klima und in einen neuen Boden verpflanzt werden, ihre frühere Form und ihre früheren Eigenschaften; andere verändern sich in Form und Eigenschaften, je nach dem Einflusse des neuen Klimas und des neuen Bodens. Die russische Literatur nun kann man mit den Gemächsen dieser zweiten Art vergleichen. Die Geschichte derselben, besonders bis auf Puslin (theils auch noch bis auf die Gegenwart) besteht in einer fortwährenden bestigen Aufzuehung: sich von den Resultaten der künftlichen Ueberpflanzung loszumachen, Wurzel zu fassen in dem neuen Boden und sich zu kräftigen durch die Nahrungssäfte dieses letzten. Die Idee der Poesie wurde in Russland mit der Poesie aus Europa vermischt und erschien dasebst wie ein neuer, überseideter Euphrat. Man sagte sie auf als die Kunst, zu verschiedenen feierlichen Gelegenheiten Verse zu machen. Archaische war der privilegirte „Dorpoet“, und „Besang“ bereits die Hölle auf der Erde.

1

«Мысли и заметки о русской литературе»), так и о той высокой оценке которую дал Белинский «Бедным людям» и другим произведениям, включенным в альманах Некрасова.

Неудивительно поэтому, что следующее известие в той же статье посвящено именно Белинскому. Оно является одной из самых ранних подробных характеристик Белинского на страницах иностранной печати. Не подлежит сомнению, что и это известие основано на сведениях, которые автор «Литературных заметок» получил в России устным путем от людей, лично знавших Белинского. Сообщение о Белинском начинается с характерной ошибки: «Наряду с альманахом Некрасова <т. е. с «Петербургским сборником»>... которому можно пожелать лишь успеха,— пишет автор,— п о я в и л с я и д р у г о й, Б е л и н с к о г о». Речь здесь может идти только о том «толстом, огромном альманахе», который Белинский предполагал издать к весне 1846 г. и для которого он тогда же придумал и название «Левиафан» («Письма», III, 90, 104—106). Как известно, издание этого альманаха должно было предоставить Белинскому возможность покинуть «Отечественные записки», где он подвергался беспощадной эксплуатации со стороны Краевского. Мысль об этом альманахе долго не покидала Белинского. Предстоящее издание книги живо обсуждалось друзьями критика, но в печати известий об альманахе не появлялось. Однако осенью 1846 г., в связи с переходом «Современника» в руки Панаева и Некрасова, Белинский по просьбе последнего уступил новому журналу, ведущим критиком которого он стал, весь материал, собранный для «Левиафана».

Письмо Некрасова Белинскому, содержащее в себе просьбу о передаче этих материалов, датируется концом октября 1846 г. Содержание письма было, разумеется, известно и Панаеву. Очевидно, таким образом, что информация о предстоящем издании альманаха Белинского не могла быть получена автором от Панаева, с которым, как упомянуто, он виделся в ноябре 1845 г. Она восходила к каким-то другим и более ранним источникам. Уезжая из России, автор был убежден, что альманах готовится к изданию, а позднее, уже за границей, был кем-то введен в заблуждение относительно его выхода в свет.

Впрочем, упоминание об альманахе в немецкой статье понадобилось ее автору только как повод, чтобы указать, что это издание является «новым радостным свидетельством деятельности Белинского, прерванной на некоторое время его телесным изнурением, неизбежным следствием его чрезмерных трудов». «Вообще,— продолжает он далее,— этот талантливый человек, в силу неблагоприятных для него обстоятельств, лишился многого, благодаря чему он, больше чем кто-либо другой, мог способствовать подъему и освежению умственной жизни в России. Если бы ему удалось заложить более прочные основы своим положительным знаниям, особенно историческим, если бы поспешность, с которой он писал, теснимый злощастной оппозицией, не препятствовала ему развивать и разрабатывать его лучшие идеи и во многих случаях не отнимала определенности и ясности у его наблюдений, если бы конфликт, в который его благородный и свободный ум вступал с высокомерным педантизмом и низменным самовосхвалением, его не раздражал и не ожесточал, а подчас и не лишал искренности его суждения, то Россия получила бы в нем такого эстетика и историка литературы, который мог бы сравниться с самыми превосходными «деятелями на том же поприще» других наций. Его статьи в «Отечественных записках» нередко слишком односторонни, резки и особенно ошибочны в историческом анализе. И тем не менее ни один русский не говорил о своей отечественной литературе с таким умом и ответственностью, а об отдельных русских поэтах, особенно о Пушкине, конечно, не написано ничего более превосходного, чем большинство замечаний Белинского.

Во всяком случае, Collegium obscurorum virorum <совет темных людей> Московского университета, исключивший студента Белинского „за отсутствием способностей“, сделал себя смешным на всю Россию»⁸⁶.

Судя по ряду особенностей в этой характеристике Белинского, трудно предположить, чтобы она базировалась исключительно на сведениях, полученных от друзей Белинского — Панаева и др. Особенно разительны нелепый упрек в «неискренности суждений» Белинского, имеющий явно «московские корни» и доказывающий близость автора к кругу Погодина, Шевырева, Н. Ф. Павлова и особенно Мельгунова.

Первый раздел «Литературных заметок» включает в себя еще известие об издании лекций С. П. Шевырева по древнерусской литературе с критическими замечаниями об авторе и «Русских народных песен» П. Киреевского, а также слухи о новом произведении Гоголя, над которым он работает очень прилежно, но в полной тайне; во втором разделе тех же заметок (с той же подписью: W) приведены новости о русских журналах, сообщенные автору в письме из России: на первом месте стоит здесь известие о реорганизации журнала «Современник»; дана краткая историческая справка об этом журнале и названы члены новой редакции: Белинский, Некрасов, Панаев и Никитенко⁸⁷.

Автором «Литературных заметок из России», которому принадлежит приведенная выше характеристика Белинского, был, скрывшийся под буквой W, Вильгельм Вольфзон (1820—1865), выходец из России, учившийся и натурализовавшийся в Германии. В 1840—60-х годах он получил некоторую известность как переводчик, критик, поэт и драматург. В начале 1840-х годов Вольфзон был членом лейпцигского поэтического кружка, именовавшего себя «Клубом имени Гервега» (Herwegh-Club). По словам одного из его друзей, также члена этого кружка — Т. Фонтане, Вольфзон пользовался в кружке некоторым влиянием как человек, уже имевший печатные работы, и как деятельный журналист и критик; его излюбленной темой была русская литература, и он горячо ее пропагандировал. Как и надлежало члену «гервеговского клуба», он придерживался прогрессивных воззрений, впрочем, по замечанию Т. Фонтане, он и в своем радикализме, как и во всем, отличался умеренностью.⁸⁸ В 1843 г. Вольфзон издал в Лейпциге первый том своей широко задуманной антологии русской поэзии в стихотворных переводах, снабженных биографическими заметками, комментариями и вступительной статьей. Но это издание прекратилось на первом томе, включившем в себя народную поэзию, «Слово о полку Игореве» и поэтов XVIII в. — Ломоносова и Державина⁸⁹. Сотрудником «Летописей» Иордана по русскому разделу Вольфзон, вероятно, сделался вскоре после основания журнала. Во всяком случае, в первом же номере журнала за 1843 г. Иордан благодарит Вольфзона за доставление ему в рукописи стихотворного перевода стихотворения Пушкина «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю...», 1823 г.), здесь же напечатанного⁹⁰. В том же году Иордан не только поместил в своем журнале краткое известие о выходящей в свет русской антологии Вольфзона, но и подробно разобрал ее в большой рецензии⁹¹. Замечена была эта книга и в России: Ф. Булгарин, которого Вольфзон признал бездарным писателем, пользующимся в Германии незаслуженной известностью, еще до получения книги Вольфзона, поместил о ней известие в «Северной пчеле», задавая ядовитые вопросы: «Где он учился русской литературе, из какого источника почерпал сведения? Спрашивается кругом, и никто о нем не слыхал — никто его не видел», а затем в форме «присланного» письма поместил весьма разностную рецензию на эту книгу⁹². «Отечественные записки» и «Литературная газета», напротив того, отзывались о книге Вольфзона благожелательно⁹³. О том, что «книга Вольфзона о русской литературе не понравилась г. Ф. Б<улгарину>», отметил и Белинский в одной из своих статей (VIII, 346).

Вскоре Вольфзон вошел в более тесное общение с русскими литераторами. Он вступил в переписку с Краевским⁹⁴, в начале 1845 г. приехал в Москву и довольно близко познакомился с Н. Ф. Павловым, Н. А. Мельгуновым и другими московскими писателями. По рекомендации Павлова, Вольфзон был приглашен в качестве преподавателя к молодому Б. Н. Чичерину, только что приехавшему в Москву и готовившемуся к экзаменам для поступления в университет. В своих позднейших воспоминаниях Б. Н. Чичерин довольно подробно рассказывает о Вольфзоне в этот период жизни последнего⁹⁵.

Пребывание Вольфзона в Петербурге в ноябре 1845 г. было, повидимому, кратковременным; он приехал сюда из Москвы перед возвращением в Германию. Знакомство с Павловым, Мельгуновым, довольно лестные отзывы о его трудах в «Отечественных записках», слухи о его дружбе с немецкими прогрессивными писателями, — все это должно было обеспечить ему хороший прием в петербургских литературных кругах. Он возвращался в Лейпциг, полный впечатлений, и, несомненно, оставил в Москве и Петербурге некоторых будущих своих корреспондентов. Впоследствии он приезжал в Россию еще несколько раз⁹⁶.

Не подлежит сомнению, что в 1845—46 гг. Вольфзон знал многое о русских журнальных делах и литературной борьбе и мог довольно отчетливо представить себе и роль в ней Белинского; не исключена даже возможность его личной встречи с Белинским, но никаких данных об этом не сохранилось. Равным образом у нас нет никаких свидетельств о том, что Белинский был осведомлен об изданной Иорданом книге «Geschichte der russischen Literatur», хотя вряд ли подобное издание могло пройти незамеченным для редакции «Отечественных записок», получавшей подробную информацию об основных новинках германского книжного рынка.

После всех сделанных разъяснений трудно было бы думать, что Иордан не знал истинного автора переведенных им статей «Отечественных записок». «Летописи» Иордана выходили до начала 1848 г., но имя Белинского здесь более не упоминалось. Впрочем, фактическое руководство журналом вскоре перешло к другому лицу, и журнал резко изменил свой характер⁹⁷. Иордан, горячо сочувствуя революционным событиям 1848 г., вновь отдался политической деятельности и принял близкое участие в знаменитом пражском «славянском съезде»⁹⁸. Это закрыло перед ним двери университета, и ему оставалось лишь журнальное поприще. Покинув Лейпциг, Иордан уехал в Прагу и предпринял здесь (в сотрудничестве с д-ром Каспаром) новое периодическое издание — еженедельные «Славянские листки» («Slawische Centralblätter»), посвященные австрийско-славянским взаимоотношениям⁹⁹. От литературных интересов он все более и более отходил.

Имеется, впрочем, одно не вполне ясное указание на то, что после долгого перерыва Иордан решил продолжать издание «Истории русской литературы». Сохранилось письмо его к В. Гайке, датированное 12 (24) июля 1851 г. Оно написано по-русски и дает некоторое представление о степени активного владения им русской речью в начале 1850-х годов. Иордан писал в этом письме:

«Любезный друг мой,
Вячеслав Вячеславич!

Докопчая изложение свое русской литературы, не могу образ Пушкинской поэзии, яко нужно это, выкраслити без помощи его сочинений. Для того прошу вас усердно о милость послать мени, имеее ли, полное собрания Пушкина или, по крайней мере его поэзии, то ест первые четыры тома издания года 1838.

Усердный ваш Иордан»¹⁰⁰.

Повидимому, Иордан имел здесь в виду переведенную им «Историю русской литературы» (т. е. статьи Белинского), заканчивающуюся на Пушкине. Не хотел ли Иордан продолжить свой перевод статей Белинского о Пушкине и попутно сверять в нем стихотворные цитаты с первым посмертным изданием сочинений Пушкина, считавшимся тогда самым полным и исправным? Однако свое намерение Иордан по каким-то причинам не осуществил.

Издание первой части «Истории русской литературы», фактически являвшейся точным переводом статей Белинского, сыграло значительную и до сих пор еще окончательно не изученную роль в распространении за рубежом идей Белинского. Книга эта читалась на Западе много десятилетий. Из нее черпали сведения о русской литературе многочисленные ученые и компиляторы (см., например, соответствующие разделы общего очерка «Истории литературы» Теодора Мундта).

Плодовитый Иоганн Шерр начинает главу о русской литературе в книге «Allgemeine Geschichte der Literatur» цитатой из «Geschichte der russischen Literatur», называя автором этого труда Иордана¹⁰¹; имя Белинского, как отмечалось нами выше, не было обозначено Иорданом в книге и поэтому не упоминается не только здесь, но и в более поздних трудах, где даются ссылки и на Шерра, и на Иордана.

В 1880-х годах в Стокгольме вышла книга А. Анфельта по истории мировой литературы (A. A h n f e l t, Verldslitteraturens historia, I, Stockholm, 1886), в которой весь отдел о русской литературе составлен преимущественно по «Истории русской литературы» Иордана, т. е. Белинского. Вероятно, немецким изданием «Истории русской литературы» часто пользовались и другие авторы.

История этого «скрытого» перевода Иордана представляет немалый интерес при изучении воздействия Белинского на западную литературу, а также того влияния, которое великий русский критик приобрел в Германии и славянских землях еще при жизни.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

«П и с ь м а к В. Г а н к е» — «Письма к В. Ганке из славянских земель». Издал В. А. Францев. Варшава, 1905.

«J a h r b ü c h e r» — «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft». Š l e s a. — ČMS — H. Š l e s a. Dr. Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutkowanje. Prínosk k stawiznam serskeho narodneho wozroždenja, tež wozroždenja slowiaństwa a slowjańskeje wzajomnosce. — «Časopis Macicy Serbskeje», Budyšin, LXXII (1924), LXXVIII (1925).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Kurze Skizze der Geschichte der russischen Literatur». — «Jahrbücher», 1843, 4 Н., стр. 265—270; 5 Н., стр. 344—350.

² «Jahrbücher», 1844, 3 Н., стр. 91—93; 4 Н., стр. 143—147.

³ «Отеч. записки», 1843, т. XXVIII, № 6, стр. 19—42; т. XXXIX, № 9, стр. 1—10.

⁴ П. Ш а ф а р и к. Славянское народописание. Пер. О. М. Бодянского. М., 1843, стр. 97—99; И. И. С р е з н е в с к и й. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы. «Журн. мин. нар. просв.», 1844, № 7, стр. 26.

⁵ W. B o g u s ł a w s k i. Rys dziejów serbo-luzickych. Petersburg, 1861, стр. 261; В. Ф р а н ц е в. Матица сербская в Будишине. — «Журн. мин. нар. просв.», 1897, № 6, стр. 306.

⁶ А. Г и л ь ф е р д и н г. Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии (1856). Собр. соч. А. Гильфердинга, СПб., 1868, т. II, стр. 20—21.

⁷ Литература о Я.-П. Иордане невелика: помимо некрологов (наиболее обстоятельный из них написан известным чешским историком лужицкого народа А. Černý в журн. «Zlata Praha», 1891, стр. 415, 427, 435) и заметок в биографических словарях (например, W u r z b a c h. Biographisches Lexicon des Kaiserstaates Österreich) существует его подробная биография, написанная Германом Шлеца (H. Š l e s a. Dr. Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutkowanje. Prínosk k stawiznam serskeho narodneho wozroždenja, tež wozroždenja slowiaństwa a slowjańskeje wzajomnosce. — «Časopis

Macicy Serbskeje», Budyšin, т. LXXII, 1924, стр. 3—91; т. LXXVIII, 1925, стр. 3—63; отд. изд. 1926 г.), но она доведена только до 1848 г., и русские источники в ней не приняты во внимание. О пражской семинарии для лужичан, в которой учился Иордан, и вообще о значении для него чешской культуры см. также «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества», 1886, № 25; К. Я. Грот, М. Горник. «Славянское обозрение». Сборник статей по славяноведению под ред. И. С. Пальмова, СПб., 1894, стр. 174; J o s e f P á t a. Lušickoserbské národní obrození a československa účast v něm.— «Slavia», II [1923], стр. 344—370.

⁸ J. P. J o r d a n. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz, Prag, 1841.

⁹ «Ost und West» являлся предшественником «Jahrbücher» Иордана («Письма к В. Ганке», стр. 252—253, 482; «Русск. филол. вестник», 1914, № 1, стр. 28); об участии в нем Иордана см. Н. Š l e s a — CMS, т. XXII, стр. 14—18.

¹⁰ Г. Шлеца в своей биографии Иордана ничего не говорит о его участии в журнале «Blätter für literarische Unterhaltung», однако в этом журнале за 1842 г. много статей и заметок Иордана (Bd. I, стр. 124, 163—164, 187—188, 236, 518—520, 643—644, 689—691; Bd. II, стр. 832, 964, 1152), среди них, между прочим, и большая статья о Грибоедове (1842, Bd. II, № 248, 250, 251).

¹¹ «Письма к В. Ганке», стр. 427.

¹² И. И. Срезневский. Воспоминание о Ганке, СПб., 1861, стр. 20.— М. И. Касторский, будущий профессор всеобщей истории в Петербургском университете, в конце 1830-х годов близкий к Ганке и Иордану, писал из Праги: «Мне, русскому, особенно приятно было слышать и убедиться, что произведения наших писателей, особенно поэтов: Пушкина, Дельвига, кн. Вяземского и других, читаются и изучаются нашими славянскими братьями» («Чешская литература» — «Журн. мин. нар. проsv.»), 1838, № 6, стр. 632).

¹³ Н. Š l e s a — CMS, т. LXXVII, стр. 17—18.

¹⁴ «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель», 1839—1842, СПб., 1895, стр. 85; ср. в сборнике: «Памяти И. И. Срезневского», кн. 1, Пг. 1916, стр. 122.

¹⁵ Там же, стр. 180; ср. здесь же, стр. 171 (письмо от 28 ноября 1840 г.).

¹⁶ Там же, стр. 185.

¹⁷ О Иордане как о возможном участнике этой поездки много упоминаний в письмах И. И. Срезневского и П. И. Прейса от марта и апреля 1841 г.— «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 24, 29, 39. См. А. А. Титов. Письма В. Ганки О. М. Бодянскому, М. 1887; стр. 7—8; Письма к В. Ганке, стр. 956, 959.

¹⁸ А. Н. Пыпин. Новые данные о славянских делах.— «Вестник Европы», 1893, № 7, стр. 316—317.

¹⁹ «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892, стр. 138.

²⁰ И. И. Срезневский. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. СПб., 1878, стр. 4—14; В. И. Ламанский. Остатки работ П. И. Прейса. «Живая старина», 1898, вып. III и IV, стр. 332, 362—364.

²¹ Из письма Иордана к В. Ганке известно, что в конце 1841 г. он работал над книгой «Исторические песни свободного казачества» («Historische Volksdichtungen des freien Kosakenthums»), составлявшейся им по «Запорожской старине» Срезневского (1833—1838 гг.) и другим материалам, сообщенным ему тем же Срезневским («Письма к В. Ганке», стр. 412). Однако это издание не осуществилось. Зато тогда же задуманный Иорданом перевод «украинских» повестей М. Чайковского (там же, стр. 413) вышел в свет два года спустя: Czaukowski's Ausgewählte Romane. Deutsch bearbeitet von J. P. Jordan, Bd. I—IV, Leipzig, 1843.

²² J. P. J o r d a n. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz, Prag, 1841; В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX в., Варшава, 1902, стр. XLIV—XLIX, 316; А. А. Титов. Письма В. Ганки к О. М. Бодянскому, М., 1887, стр. 8. «Письма к В. Ганке», стр. 1134—1135. «Живая старина», 1891, вып. IV, стр. 36.

²³ «Палей» Срезневского напечатан в редактированной Белинским XVIII части «Московского наблюдателя» за 1838 г. (стр. 15—18). Повесть «Иван Барабаш» Белинский ранее сочувственно отметил в одной из своих обзорных статей, помещенных в «Телескопе» 1836 г.

²⁴ В «Летописи жизни Белинского» (сост. Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков и Ю. Г. Оксман, М., 1924, стр. 99) эта встреча отнесена к концу октября; однако, основываясь на том, что Срезневский приехал в Петербург 21 октября 1839 г. и уехал оттуда за границу ровно через месяц, 21 ноября 1839 г. («Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель», СПб., 1895, стр. 22—23, 45), можно было бы отнести эту встречу к началу ноября (до 10 числа этого месяца, которым помечено письмом Белинского к В. П. Боткину).

²⁵ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, М.—Л., 1928, стр. 184.

²⁶ В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст с предисл. и прим. А. С. Полякова, Пг., 1924, стр. 45—47; П. В. Анненков. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 262.

²⁷ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 483. Об отношениях и переписке Добролюбова со Срезневским см. «Звенья», III—IV, М.—Л., 1934, стр. 520—521.

²⁸ И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 307—310.

²⁹ «„Отечественных записок“ готовится 12-й номер, первые 11-ть у меня под руками, и я беспощадно рву из них статьи, которые могут быть особенно интересны за границей», — писал Срезневский матери из Петербурга 19 ноября 1839 г. («Путевые письма И. И. Срезневского», стр. 43).

³⁰ И. И. Срезневский. Славянские новости. Чешский театр. «Отеч. записки», 1841, т. XIV, «Смесь», стр. 97—105. Ранее Срезневский напечатал в «Отеч. записках» 1840 г. две статьи, присланные им из-за границы: «Предположения о Реймском евангелии» (т. X, «Смесь», стр. 1—10) и «Новости литератур славянских» (т. XII, «Смесь», стр. 20—23). См. «Библиографический список сочинений и изданий И. И. Срезневского», СПб., 1879.

³¹ «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 11.

³² Там же, вып. III, стр. 38 (письмо П. И. Прейса к И. И. Срезневскому от 29 сентября 1841 г.).

³³ «В. Г. Белинский и его корреспонденты». Под ред. Н. Л. Бродского, М., 1948, стр. 58. — Тогда же познакомился с Заикиным и И. И. Срезневский («Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель», СПб., 1895, стр. 187—188). Ср. в «Лит. наследстве», т. 57 сводку петербургских адресов Белинского.

³⁴ «Письма к В. Ганке», стр. 868—869.

³⁵ В. Орлов. Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского. «Ученые записки Ленингр. ун-та, Серия филол. наук», вып. 11, 1941, стр. 22—56.

³⁶ «Журнал мин. нар. просв.», 1839, т. XXII, № 5, отд. III, стр. 90. О чешском физиологе Я. Пуркини и его деятельности на поприще славянского единения см. В. А. Францев. К биографии чешского славянофила Я. Е. Пуркини. — «Русск. филол. вестник», 1914, № 1, стр. 29—37.

³⁷ «Письма к В. Ганке», стр. 1023. — Содержание очередного тома «Отеч. записок» П. П. Дубровский сообщил В. Ганке 24 декабря 1842 г. (там же, стр. 307).

³⁸ И. И. Срезневский. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы. — «Журн. мин. нар. просв.», 1844, № 7, стр. 63—64. Здесь Срезневский неоднократно говорит об Иордане как об одном из видных (наряду со Смоляром) деятелей сербо-лужицкого возрождения. О газете Иордана среди других «Денниц» славянских стран см. В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения, Варшава, 1902, стр. 274—275.

³⁹ Serske Pesnički zezberańe a serbskim hólcam a hólcam kzweselónu čechězan-skich Wiczazec Pětra. Budychin, 1842 (т. е. «Сербо-лужицкие песни, собранные и изданные для увеселения сербских юношей и девушек»; ср. «Jahrbücher» 1845, т. III, стр. 211; сюда вошло десять собранных им песен (среди них одна — новая, принадлежавшая перу А. Зейлера). Еще в 1836 г., когда «Научное общество» в г. Грольлице (Görlitzer Gesellschaft der Wissenschaften) объявило премию за собрание лужицких народных песен, Иордан был в числе первых, кто горячо взялся за это дело; часть собранных им фольклорных материалов Иордан впоследствии передал Я. Смоляру.

⁴⁰ Ju t' n i c z k a. Nowiny za serbow <...> wedźeno wot J. P. Jordana. Budychin, 1842 (вышло 26 номеров; 106 стр.). Комплект этой редкой газеты из библиотеки П. И. Прейса хранится в библиотеке Ленинградского университета. В № 2 газеты, в отделе «Юмор», помещен анекдот о казанском купце, заимствованный из какого-то русского источника; в № 11 — «Известие из Петербурга» («Petrohradu»); в № 18 — о награждении В. С. Караджича в России за его «Сербские народные песни»; в № 21 — о варшавской «Деннице», русско-польской газете П. Дубровского; в № 22 — письмо лужичанина Бранцеля Петру Великому. Отметим, кстати, что, повидимому, через Дубровского Иордан с 1842 г. начал печатать свои статьи также в польской печати. В. А. Францев. Библиография польского славяноведения. — «Русск. филол. вестник», 1912, № 1—2, стр. 373, 378, 383; «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 46. Г. Шлеца этот факт остался неизвестным.

⁴¹ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, изд. 2-е, СПб., 1881, стр. 1082—1083; А. Гильфердинг. Собр. соч., т. II, СПб. 1868, стр. 28—29; Н. А. Янчун. Ян-Эрнест Смоляр. — «Журн. мин. нар. просв.», 1885, № 8, стр. 31.

⁴² H. Š l e s a — ČMS, т. LXXVIII, стр. 3—6. — В том же 1843 г. Иордан получил и докторскую степень от Лейпцигского университета. О преподавательской деятельности Иордана в должности «lectorem publicum slavicae linguae et literaturae» см. в «Письмах к В. Ганке», стр. 421 и сл. и М. Murko. Die slawische Philologie in Deutschland. — «Internationale Monatschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», 12 Jahrg., т. II, стр. 239.

⁴³ «Serbska Jutnička wudawana wot J. P. Jordana», Lipsk, 1842. Это издание является непосредственным предшественником «Jahrbücher» и составлено по тому же

плану. Мы находим в нем статьи на различные славянские темы, переводы и рецензии на славянские книги.

⁴⁴ Н. Šleca. — CMS, т. LXXVIII, стр. 4.

⁴⁵ Подробный перечень лекционных и семинарских курсов Иордана в Лейпцигском университете за 1843—1848 гг. приводит Н. Šleca — CMS, т. XXVIII, стр. 4—5.

⁴⁶ Об этом разноплеменном славянском кружке Иордан сообщает В. Ганке («Письма к В. Ганке», стр. 417 и сл.). — В числе своих русских знакомых он упоминает, кроме Прейса и Срезневского, также Н. Д. Иванишева, уже занявшего в это время кафедру «государственной экономики» в Киевском университете, и А. А. Куника (см. прим. 50—55). В 1842 г. В. Ганка послал рекомендательное письмо к Иордану из Праги через А. Н. Попова, слависта-историка, будущего автора «Путешествия в Черногорию» («Письма к В. Ганке», стр. 863). С Иорданом вошли также в сношения в Лейпциге П. М. Леонтьев и П. Пеховский, «поляк из Москвы» (там же, стр. 423).

⁴⁷ Проект «Slawische Revue» Иордана см. в его «Jutnička», 1842, № 23, 4 Junjusa, стр. 94 в объявлении, озаглавленном «Ślowiaństwo»: перечислив здесь все славянские племена, Иордан говорит о все более настоятельно возникающей потребности у славянских народов лучше знать друг друга, с каковою целью он и задумал издавать журнал на немецком языке под названием: «Славянское обозрение». Подробный проспект «Jahrbücher» (датированный июлем 1842 г.) помещен в конце 1-го выпуска журнала «Serbska Jutnička»; интересно, что Иордан ссылается здесь на тех «почтенных славянских ученых», которые «вызывали» его на издание подобного журнала: Шафарика, Ганку, Прейса.

⁴⁸ В. Францев, В. Г. Дундер и имп. Российская Академия. (Эпизод из истории наших книжных связей со славянами). «Русск. филол. вестник», 1903, № 3—4, стр. 47. Еще в середине 1820-х годов, предпринимая, по почину П. И. Кеппена, периодическое обозрение новинок славянских литератур, «Московский телеграф» (1826, № 16, стр. 315) отмечал, что «литература богемцев, сербов и других славянских народов... донныне еще не составляет отдела библиографии, и тем менее критики, в журналах немецких, французских и английских и потому, ограничиваясь теми областями, где существует, остается она для других народов неизвестною. В сем случае, приятно было бы видеть, что русские берут на себя труд, о котором другие европейцы еще не подумали».

⁴⁹ П. И. Прейса упоминает в «Jahrbücher» (1843, т. I, стр. 158) в своем первом «Письме из Петербурга» А. Куник (см. прим. 57). Большой некролог Прейса [В. С. Порошина] («aus dem Russischen in den Hamburger literarischen und kritischen Blättern mitgeteilt») помещен в «Jahrbücher» Иордана, 1847, Н. 12, стр. 412—414; ранее Иордан поместил здесь же (1847, Н. 10, стр. 356—357) прочувствованные строки о Прейсе И. И. Срезневского, заимствовав их из «Časopis'a» Чешского музея. — Выдержки из писем Срезневского о славяноведении в России см. «Jahrbücher», 1845, Н. 12, стр. 413—414.

⁵⁰ А. С. Лаппо-Данилевский высказывает предположение, что целью поездки Куника в Германию в 1841 г. было желание «выступить здесь в роли посредника между славянской и немецкой литературой», но что «по приезде в Берлин он убедился в том, что немецкая и в особенности прусская ученость находятся под сильным влиянием все более возрастающего патриотического настроения, и, ввиду пренебрежения ее к славянской истории, не встретил сочувствия своим планам» (А. А. Куник. Очерк его жизни и трудов. «Известия Академии Наук», 1914, стр. 1460—1461). Э. А. Вольтер в некрологе Куника также пишет, что в 1841 г. Куник «возвратился в Германию, но был встречен там не особенно сочувственно: ни в Берлине, ни в Лейпциге он не мог найти издателя для своих переводов и извлечений из своих сочинений. Главная причина, по его словам, была та, что он хорошо отзывался о России» («Анад. А. А. Куник». — «Русская старина», 1899, май, стр. 367—368).

⁵¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 7, СПб., 1893, стр. 31.

⁵² «Письма к В. Ганке», стр. 420. Из этого же письма следует, что с Погодиным Иордану в Лейпциге в 1842 г. встретиться не удалось. Отметим, кстати, что сообщаемое Гильфердингом известие, будто бы лужичанам, помышлявшим о литературной связи с Россией, не удалось наладить переписку с Куником, явно основано на недоразумении: «Сочинено и отправлено было письмо в Петербург к академику Кунику, но письмо осталось без ответа» (Гильфердинг. Собр. соч., т. II, стр. 26); через Иордана Куник был связан с жившими в Лейпциге лужичанами еще в 1842 г.; адъюнктом Петербургской Академии Наук он стал в 1844 г.

⁵³ «Письма к М. П. Погодину из славянских земель». «Чтения в Общ. ист. и древностей росс.», 1879, кн. 4, стр. 322.

⁵⁴ «Ljudewit Gai und der Illirismus». — «Jahrbücher», 1843, вып. I, стр. 15—20 (подпись: Е. Kunick, т. е. Эрнест; Аристом Аристовичем Куника стали называть в России лишь с 1850-х годов).

⁵⁵ Перечень печатных трудов А. А. Куника указывает пять статей его в «Jahrbücher» Иордана (все 1843 г.): 1) названную выше статью о Л. Гае (за полной подписью); 2) о польском историке И. Лукашевиче, т. I, стр. 20—21 (подп.: К.); 3) рецен-

зию на «Petersburger Skizzen» Треймунда Вельпа, т. I, стр. 76—77 (подп.: Кн); 4) корреспонденцию из Петербурга, т. I, стр. 157—158 (подп.: К.); 5) то же: «Из Петербурга», т. I, стр. 239—241 (без подп.). См. «Материалы для биографического словаря действ. членов Имп. Академии Наук», т. I. Пг., 1915, стр. 365.

⁵⁶ Подтверждением того, что связи А. А. Кунина не прекращались и в последующие годы, может служить, например, следующий факт: когда в 1846 г. вышел в свет немецкий перевод «Мертвых душ», выполненный Лебенштейном, в предисловии к которому переводчик задел Погодина, Шевырев, предлагая «где-нибудь опровергнуть клевету», писал Погодину: «Я советовал бы послать в „Allgemeine Zeitung“, так как она более всех читается, и к Иордану через Куника» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8, СПб., 1893, стр. 327). Характерно, что Шевырев предлагал воспользоваться посредничеством Кунина: прямых связей с Иорданом представители русского славянофильства в это время, несомненно, не имели. В бумагах Кунина, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР, никаких писем Иордана не значится.

⁵⁷ Анонимные статьи и корреспонденции из Петербурга в «Jahrbücher» за подписью «Ein Leser der Slawischen Jahrbücher» или «Einer ihrer Leser (Petersb.)» принадлежат, повидимому, А. Кунику. В 1845 г. мы встречаем в числе сотрудников «Jahrbücher» Ф. Евецкого — одного из друзей И. Срезневского («Живая старина», 1891, вып. III, стр. 46—47; В. И. Срезневский. Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского. — «Журн. мин. нар. просв.», 1898, № 1, стр. 5). Некий И. Карамовский из Киева напечатал в «Jahrbücher» (1846) статью о Пушкине и русских читателях.

⁵⁸ H. Šleša — CMS, LXXVIII, стр. 19. Как сообщает тот же биограф Иордана, еще в начале 1847 г. агент Меттерниха сообщал из Лейпцига в Вену: «Здесь все убеждены, что Иордан получает русскую субсидию».

⁵⁹ «Письма к В. Ганке», стр. 1258—1259.

⁶⁰ «Jahrbücher», 1845, Н. 3, стр. 119.

⁶¹ «Puschkin und Mickiewicz» — «Jahrbücher», 1843, Н. 1, стр. 45—51; в этой статье (Иордана?) даются пересказ и выдержки из лекции о русской литературе из «Двухлетнего курса славянской литературы» («Kurs drugoletni literatury słowiańskiéj...», Paryż, 1842), читанного Мицкевичем в Коллеж де Франс. Как известно, Мицкевич давал здесь крайне отрицательную и полную ошибок характеристику русской литературы, делая исключение лишь для Пушкина, которого он представил на фоне русской общественной борьбы с самодержавием. Рецензию на всю книгу в целом Иордан также поместил в своем журнале («Jahrbücher», 1843, 1, стр. 68—69).

⁶² «Jahrbücher», 1845, Н. 3, стр. 119.

⁶³ «Jahrbücher», 1843, Н. 2, стр. 157.

⁶⁴ «Jahrbücher», 1843, Н. 3, стр. 240.

⁶⁵ «Die russische Literatur im Jahre 1842». — «Jahrbücher», 1843, Н. 3, стр. 227—231. — Статья Белинского «Русская литература в 1842 году» помещена в «Отеч. записках», 1843, I.

⁶⁶ «Jahrbücher» 1843, Н. 2, стр. 144 (русская библиография: «nach den „Отеч. записки“»). В кратком отзыве о книге В. Строева «Париж в 1838 и 1839 гг.» («Jahrbücher», 1843, Н. 1, стр. 83) сделана ссылка: «Krajewski sagt darüber...» Значит ли это, что Иордан отождествлял редактора «Отеч. записок» с анонимными авторами библиографического отдела (в данном случае с Белинским)?

⁶⁷ «Die Parteien in den russischen Journalen». — «Jahrbücher», 1845, Н. 11, стр. 387—391.

⁶⁸ Там же, стр. 390—391.

⁶⁹ «Geschichte der russischen Literatur. Nach russischen Quellen bearbeitet von Dr. J. P. Jordan, Leipzig, Slawische Buchhandlung, Ernst Keil und Comp., 1846». — На стр. 1 другое заглавие: «Historische Entwicklung der russischen Literatur» и в подзаголовке ссылка на «Отеч. записки»: «Nach den Oteč. Zapiski», 1843, Bd. III и V; указание на тома, однако, неверно.

⁷⁰ J. P. Jordan. Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1846, стр. 190.

⁷¹ Наиболее значительный пропуск сделан в начале перевода. В первой статье Белинского о Пушкине («Отеч. записки», 1843, VI) выпущены все вступительные страницы (с 19 по 24), не существенные для очерка «Истории русской литературы». Перевод начинается лишь со стр. 25, от слов: «Русская литература есть не туземное, а пересаженное растение...».

⁷² J. P. Jordan. Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1846.

⁷³ Там же, стр. 33.

⁷⁴ Там же, стр. 123.

⁷⁵ Там же, стр. 84.

⁷⁶ Там же, стр. 32; те же вопросительные знаки стоят в переводе указанного места Белинского уже в тексте 1843, Н. 5, стр. 350.

⁷⁷ См. в «Лит. наследстве», т. 57, сообщение Л. Р. Ланского «К критике первопечатных текстов сочинений Белинского», где приводятся характерные примеры подобных опечаток на страницах «Отеч. записок».

⁷⁸ Jordan. Geschichte der russischen Literatur, стр. 75.

⁷⁹ Там же, стр. 55. (Примечание: «Der Verfasser vergisst die mittelalterlichen Klosterlieder, von der Seele als der Braut Jesu und dem Bunde derselben»).

⁸⁰ Еще в 1840 г. Белинский отмечал, что «любопытно было бы <...> проследить возрастание ее <русской литературы> от Ломоносова до Державина, и от Карамзина до Жуковского и Пушкина» (XII, 223). — О неосуществленной «Критической истории русской литературы» Белинского см. еще в статье А. Г. Дементьева «Борьба Шевырева с Белинским». — «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», Серия филол. наук, вып. 4, 1939, стр. 164—166.

⁸¹ 2 января 1846 г. Белинский писал Герцену: «К пасхе же я кончу 1-ю часть моей „Истории русской литературы“» («Письма», III, 92); А. Д. Галахов 24 июня 1846 г. в письме к А. А. Краевскому сообщал мнение П. В. Анненкова, что Белинский должен бросить работу в «Отечественных записках» и «заняться своей историей литературы» (М. К. К л е м а н, Белинский в письмах Галахова. — Сб. «Венок Белинскому» под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 146). Н. Х. Кетчер, в свою очередь, свидетельствует: «Незадолго до смерти Белинский начал составлять из прежних статей своих критическую историю русской литературы». Ср. А. Д е м е н т ь е в. Назв. соч., стр. 165—166. В славянофильском лагере, как известно, с резкой враждебностью встречали историко-литературные концепции Белинского. Погодин именно в 1846 г. ставил Белинскому в вину не только оценку русских писателей XVIII в., но и появление исторической хрестоматии Галахова, отражавшей взгляды Белинского, и даже то, что «в Киеве какой-то господин Асоченский составляет чуть ли не из нее историю русской литературы» (Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8, СПб., 1894, стр. 492).

⁸² Н. Š l e s a (ČMS, т. XXVIII, стр. 36—38) подробно освещает книгоиздательскую активность Иордана в 1845—1847 гг. и, ссылаясь на секретное донесение австрийского консула в Лейпциге, прямо называет Иордана основным владельцем издательства и книготорговли «Slawische Buchhandlung E. Keil und C^o» (S. 38). Эта фирма имела широко разветвленную сеть представительства и корреспондентов среди книготорговцев различных городов: Дрездена, Вены, Брно, Праги и др. Подробный, но все же неполный перечень изданий, выпущенных Иорданом в 1846—1847 гг., приводит Н. Š l e s a (там же, стр. 56—57). Не лишено интереса то обстоятельство, что настоящим автором книги: Die Vorläufer des Hussitentums in Böhmen. Aus den Quellen bearbeitet und herausgegeben von Dr. J. P. Jordan (Leipzig, 1846) (рец. — «Jahrbücher», 1846, VII, стр. 286) является не Иордан, а чешский историк Ф. Палацкий, и что в тексте этой книги, переведенной Иорданом с чешского оригинала, имя Палацкого не упоминается.

Хотя биограф Иордана и оправдывает его, утверждая, будто в 1846 г. книга не могла выйти в свет под именем Палацкого (Н. Š l e s a, там же, стр. 43—44), все же чешские историки литературы предпочитают говорить, что Иордан издал чужой труд «под своим именем» (J o s e f P e k a ř. Fr. Palacky. Praha, 1912, стр. 1025—1026; A g n e N o v a k a J o s. P e k a ř. Lit. česka 19 stol. 1903, III, стр. 120). В 1869 г. эта же книга вышла уже с именем Ф. Палацкого, в 1872 г. — в чешском оригинале. Еще ранее, в 1845 г., Иордан также под своим именем издал в Лейпциге в чешском подлиннике две книжки чешского писателя Клацеля: сборник сатирико-дидактических стихотворений «Ягодки из славянских лесов» («Jahůdky ze slovanských lesů», zebrał Dr. J. P. Jordan. V. Lipsku, 1845) и его же переработку сатирической поэмы о «Рейнеке Фуксе» (по редакции Гете) с очень отчетливыми применениями к современным ему чешско-словацко-немецким отношениям (Ferina Lisak z Kuliferdy a na klukově cíli kratička historie zlopestných kousků stareho Reineke jiz vydal dle mnogých rukopisů slovanských Dr. J. P. Jordan. V. Lipsku, 1845). Н. Š l e s a (там же, стр. 39—40) оправдывает Иордана и на этот раз, объясняя сокрытие им имени подлинного автора этих книг цензурными соображениями; однако он не указывает рецензии на оба эти издания, помещенные Иорданом в «Jahrbücher» (1845, N. 10, стр. 353—356; N. 11, стр. 385), в которых очень двусмысленно звучат следующие слова: «щекотливым делом является указывать собственные произведения, еще более щекотливым — стоять перед необходимостью их хвалить. Если подписавший эту статью и на этот раз находится в таком положении, то он надеется на снисхождение тех, кто знает его отношения к чешской литературе» и т. д. Весьма двусмысленными являются и такие обозначения, которые Иордан присоединяет к своему имени — «собрал» (zebral), «издал» (vydal), которым в вышеуказанном переводе книги Палацкого вполне соответствует очень неясное «aus den Quellen bearbeitet» (обработано по источникам), близкое, кстати сказать, к обозначению, стоящему в заглавии переведенных Иорданом статей Белинского. Н. Š l e s a несколько раз упоминает последнее издание (там же, стр. 43, 56); излишне, впрочем, подчеркивать, что имя Белинского им здесь не названо; он ссылается лишь на «Отеч. записки» как на источник Иордана и отмечает, что «Geschichte der russischen Literatur» 1846 г. представляет собой «новую, дополненную и законченную» редакцию пересказа статей русского журнала, сделанную Иорданом в его «Jahrbücher» 1843—1844 гг.

⁸³ Замысел Белинского написать «Историю русской литературы для немцев», о чем он сообщил в письме к И. И. Панаеву (10 августа 1838 г.), возник, очевидно, в связи с хорошо известной ему полемикой по поводу книги Кенига «Literarische Bilder aus Russland» (1837). См. в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 55, 61—62.

⁸⁴ Вслед за книгой Кенига 1837 г. из общих обзоров истории русской литературы на немецком языке появились: «Lehrbuch der russischen Literatur» von Dr. Friedrich Otto, Leipzig und Riga, 1837 (в основу этой книги положен «Краткий очерк русской литературы» Н. Греца, 1822 г.); небольшая брошюра Я. Неверова: «Blick auf die Geschichte der russischen Literatur». Abhandlung von J. Newerow. Aus dem Russischen übersetzt von H. von Brackel. Riga und Leipzig, 1840 и краткие обзорные статьи Т. Мундта (первоначально в кн. Friedrich von Schlegel's Geschichte der alten und neuen Literatur. Bis auf neust fortgeführt von Theodor Mundt. 2 Theil: Geschichte der Literatur der Gegenwart. Vorlesungen von Th. Mundt. Berlin, 1842; также в кн. «Allgemeine Literaturgeschichte von Th. Mundt», Bd. 3, Berlin, 1846, стр. 396—397) и ряд статей в журналах. Отметим сбивчивость и противоречивость обзоров русской литературы Т. Грессе, Т. Мундта и др.

⁸⁵ «Jahrbücher», 1846, Н. 11—12, стр. 443—447. Отметим интересную подробность: в этой же книжке своего журнала Иордан напечатал перевод большой рецензии на повесть Достоевского «Бедные люди» (из «С.-Петербургских ведомостей») («Jahrbücher», 1846, Н. 11—12, стр. 434—443), снабдив следующим своим примечанием один из абзацев этой рецензии: «Нам показался несправедливым упрек, будто бы „Отечественные записки“ более восхищаются, чем анализируют. В качестве примера укажем хотя бы лишь обширную и основательную рецензию на собрание сочинений Пушкина» (стр. 434), т. е. именно на ту серию статей Белинского, которую Иордан перевел и только что издал отдельной книгой.

⁸⁶ Там же, стр. 445.

⁸⁷ Там же, стр. 446.

⁸⁸ Theodor Fontane. Von zwanzig bis dreißig. Autobiographisches. 3 Aufl., Berlin, 1898, стр. 146—151. О Вольфзоне см. статью: Ludwig Geiger. Wilhelm Wolfsohn, sein Leben und seine Werke.— «Jahrbuch für jüdische Geschichte und Literatur». Bd. 15, Berlin, 1912, стр. 163—197.

⁸⁹ Wilhelm Wolfsohn. Die schön-wissenschaftliche Literatur der Russen. Auserwähltes aus den Werken der vorzüglichsten russischen Poeten und Prosaisten älterer und neuerer Zeit. Leipzig, 1843. Bd. I, Gedichte, I Abteilung (XXIV + 376 стр.).

⁹⁰ «Jahrbücher», 1843, Bd. 1, Н. 1, стр. 46. Отметим, что, вероятно, Вольфзон имел в виду Иордана, характеризуя в письме к В. Ганке (1842) свой разнополемный лейпцигский кружок, хотя и не называл его по имени («Письма к В. Ганке», стр. 417).

⁹¹ «Jahrbücher» 1843, стр. 89, 202—203. В книге Вольфзона Иордана не удовлетворила вступительная статья историко-литературного содержания («Historisch-kritischer Uebersicht»); он сделал автору несколько возражений на основе составленного им самим пересказа двух статей Белинского о Пушкине в «Отеч. записках» и подчеркнул, что он попрежнему считает желательным появление «общего обзора развития русской литературы вплоть до настоящего времени».

⁹² «Северная пчела», 1843, № 74 и 80; ср. прим. В. С. Спиридонова (XIII, 250).

⁹³ «Германская литература». «Отеч. записки», 1843, т. X, отд. VII, стр. 53—60; «Лит. газета», 1843, № 14, 4 апреля, стр. 284.

⁹⁴ В архиве А. А. Краевского хранятся 12 неизданных писем к нему Вольфзона и его стихи к Н. Н. Пушкиной («Ein Hochzeitslied dem Weibe Puschkin's») с пометой: «Astafiewo, bei Moskau, August 1844». См. Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания... сост. И. А. Бычковым, СПб., 1893, стр. 5, 45.

⁹⁵ Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. 11—13. Еще в 1846 г. Вольфзон поместил в «Jahrbücher» (1846, Н. 9—10, стр. 337—347; Н. 11—12, стр. 413—425) свои «Воспоминания о Н. Ф. Павлове» («Nikolaus Pawlow. Erinnerungen»), но они остались неоконченными, а в следующем году, в том же журнале Иордана, Вольфзон напечатал свою статью «К портрету Павлова» («Jahrbücher», 1847, Н. 1, стр. 34—40; датирована: Лейпциг, ноябрь, 1846 г.), представляющую не столько пояснение к литографированному портрету Н. Ф. Павлова, действительно приложенному к этой книжке журнала, сколько вынужденное объяснение тем своим читателям, которые отрицательно отнеслись к упомянутым выше его «Воспоминаниям» и заставили его прекратить их дальнейшую публикацию; Вольфзон оправдывался, что он вовсе не хотел «очернить» Павлова, входя в некоторые подробности его биографии, и, между прочим, прямо указывает, что «один из друзей Павлова, Мельгунова и Чичерина и довольно близкий мне человек, по поводу первой части моей статьи, написал мне письмо, полное упреков» и т. д. (стр. 36).

⁹⁶ Theodor Fontane. Von zwanzig bis dreißig. Berlin, 1898, стр. 149.

⁹⁷ «Jahrbücher» Иордана издавались до 1848 г., однако в последний год своего существования журнал изменил свой характер; в частности, сильно сокращен был критико-библиографический отдел. С конца 1847 г. близкое участие в редактировании «Jahrbücher» принял лужичанин Я. Э. Смоляр (J. E. Schmalzer). Из «Объяснения»,

адресованного к читателям журнала (*«Jahrbücher»* 1848, № 9, стр. 97) за полной подписью Иордана и датой 5 апреля 1848 г., видно, что с этого времени руководство журналом принял на себя Смоляр. В революционный 1848 г. журнал изменил название (*«Slawische Jahrbücher»*), характер и внешний вид. Новую серию журнала под тем же заглавием Смоляр издавал в 1852—1856 гг. уже в Будапеште. Ср. Н. А. Янчук «Я. Э. Смоляр». — *«Журн. мин. нар. просв.»*, 1885, № 8, стр. 34—55. В краткой характеристике Иордана И. В. Ягич пишет, что он «вел редакцию *«Jahrbücher»* очень бойко, и можно удивляться, что такой полный кипучей жизнью орган не мог долее держаться, если причина прекращения его не кроется в личных качествах бывшего редактора» (История славянской филологии, СПб., 1910, стр. 731); однако уже А. Н. Пыпин более точно определил причины гибели *«Jahrbücher»*; говоря, что этот журнал заключал в себе «много важных славянских известий», Пыпин добавлял, что славянский патриотизм создал Иордану «много врагов в немецкой журналистике, и когда в 1848 г. Иордан стал открыто за интересы австрийского славянства, его успели вытеснить из университета. Он начал издавать тогда немецкую газету в Праге, был членом „Славянской липы“, но по наступлении реакции покинул литературную деятельность» (А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, СПб., 1881, т. II, стр. 1083).

⁹⁸ Об участии Иордана в пражском славянском съезде см., между прочим, в изданной им самим книге: *Slawenkongress. Aktenmässiger Bericht über die Verhandlungen des ersten Slawenkongress in Prag. Vorgelegt von Dr. J. P. Jordan, Mitglied des provisorischen Comité's und des Kongresses. Prag, 1848.* О его антирусской и проавстрийской ориентации дает представление изданная им в следующем году полемическая брошюра: *«Nicht Deutsch! Nicht Russisch! Nur Österreichisch! Offenes Sendschreiben an Herrn Franz Schusselka».* Von Dr. J. P. Jordan. Prag, 1849.

⁹⁹ *«Slawische Jahrbücher»*, 1848, № 20, стр. 144.

¹⁰⁰ «Письма к В. Ганке», стр. 427.

¹⁰¹ *Johannes Scherr. Allgemeine Geschichte der Literatur*, 3 Aufl., 2 Bd., Stuttgart, 1869, стр. 389. В помещенном здесь небольшом очерке истории русской литературы кое-где чувствуется влияние изданной Иорданом книги, но имя Белинского не упоминается. См. еще: *J. Scherr. Bildersaal der Weltliteratur*, 3 Aufl., 3 Bd., Stuttgart, 1885, стр. 280. Иордану и его *«Jahrbücher für slawische Literatur»* страничку посвятил также F. Dukmeyer в работе: *«Die Einführung Lermontovs in Deutschland und des Dichters Persönlichkeit».* Berlin, 1925 (*Historische Studien*, Н. 164), стр. 10—11. Он упоминает, в частности, и изданную Иорданом «Историю русской литературы», не догадываясь о ее настоящем авторе, но ссылаясь, правда попутно, на «Отеч. записки».